

ВЛАДИМИР ТОПИЛИН

СИБИРИАДА

Когда
цветут
эдельвейсы

Владимир Степанович Топилин
Когда цветут
эдельвейсы (сборник)
Серия «Сибириада.
Собрание сочинений»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38626375
Когда цветут эдельвейсы: Вече; Москва; 2018
ISBN 978-5-4484-7577-1

Аннотация

Повесть «Когда цветут эдельвейсы» – реальная история профессионального охотника и его избранницы, городской девушки Ольги. Тайга принимает ее далеко не с распростертыми объятиями. Ей приходится постигать премудрости таежной жизни, пройти школу выживания и даже вступить в схватку с медведем.

Сюжет повести «Семь забытых перевалов» взят из сибирской глубинки. Старый промысловик, фронтовик дед Еремей – большой любитель охоты и тайги, но возраст и ушедшие силы отстранили его от любимого занятия. Некому деду Еремею передать свой опыт и промысловое хозяйство. Дети уехали

жить в город. Неожиданным учеником деда в охотничьем деле становится соседский паренек Саша...

Содержание

Когда цветут эдельвейсы	6
1	6
2	18
3	26
4	32
5	41
6	52
7	64
8	78
9	90
10	102
11	113
12	126
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Владимир Топилин

Когда цветут эдельвейсы

© Топилин В.С., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

Когда цветут эдельвейсы

1

Выглядывая из окна кабины, пилот весело улыбнулся и жестом попрощался. Вертолет взревел, увеличивая обороты лопастей, оторвался от земли и, по-ястребиному наклонившись вперед, быстро пошел вверх.

Васька одной рукой придерживал вязаную шапочку, пытавшуюся сорваться с головы от плотного потока воздуха, другой прикрывал глаза, защищая их от взбудораженной пыли и кусочков разорванной травы.

Через несколько секунд все стихло – «восьмерка» стремительно скрылась.

Он по-хозяйски окинул взглядом груз и, взвалив на себя один из объемистых мешков, понес к стоящей неподалеку избушке.

Темно-серая лайка Волга на правах хозяйки уже обнюхивала подходы к таежному зимовью, выискивая старые и свежие следы лесных обитателей, побывавших здесь. Не найдя ничего подходящего, она побежала к хозяину и ласково вильнула хвостом. Все ее существо как бы говорило: «Что, хозяин? Опять мы с тобой будем охотиться?» Покрутившись рядом и не дождавшись ответа, она повернула в сторону сто-

ящего неподалеку кедрача и степенно скрылась между стволов деревьев, чтобы проверить прилегающую к избушке территорию.

Поставив мешок в сених, Васька приоткрыл дверь своего зимовья и оценивающим взглядом окинул помещение, определяя, все ли на месте. Убедившись в сохранности утвари, удовлетворенно хмыкнул, вернулся назад к вещам и принялся переносить их под крышу.

Не более пятнадцати минут ушло на обычную для него работу, после чего он сходил с чайником за водой, быстро развел костер из сложенных в поленницу дров и в ожидании присел на чурку.

Наслаждаясь торжественностью долгожданного момента, неторопливо достал сигарету, прикурил от огня и, глубоко вдохнув, произнес:

– Вот и дома! Еще один сезон начался!

Слова нарушили безмолвие тайги. Вздвогнув от своего голоса и будто ожидая чьей-то поддержки, Васька огляделся вокруг. Толстые стволы деревьев слегка прошумели игравшей на ветру вечнозеленой хвоей, радуясь его очередному возвращению под их кров.

Вглядываясь в очертания родных просторов, Васек наслаждался покоем древнего мира, мысленно шагал по охотничьим тропам, преодолевал переправы бурных рек, стоял на вершине белков и с высоты птичьего полета наблюдал за скрытой жизнью глухой тайги, в которой предстояло про-

быть несколько месяцев. Как сухая губка впитывает в себя влагу, так и он воспринимал все очарование дикой природы, заметное только ему, представшее перед ним после продолжительного отсутствия.

Вдохнув полную грудь чистейшего воздуха, он словно стряхнул с себя груз накопившихся шлаков цивилизации, преодолел границу, разделявшую его до этого с родной средой обитания. Он был бесконечно счастлив, что вернулся сюда вновь, и, не скрывая своей радости, улыбался любой таежной пташке, пролетавшей мимо или щебетавшей где-то в густых кронах вековых деревьев.

Сладко потянувшись, сам того не заметив, воскликнул:
– Хорошо-то как, слышишь, Оля? – и осекся...

Васька вдруг понял, что с той минуты, как улетел вертолет, с ним постоянно была она, его любимая подруга... Каким-то отдельным чувством, в подсознании, она, Ольга, находилась рядом... Он ждал неисполнимого момента, что вот сейчас откроется дверь избушки и к нему выйдет она, радостная и счастливая...

За прошлый сезон Васька настолько привык к ее присутствию, что сейчас не мог представить себя одного...

Ольга была очень далеко, за сотни километров отсюда, и никак не могла очутиться рядом, как бы он этого ни желал.

Он с грустью вспомнил заплаканное лицо девушки, ее скромные мольбы взять с собой, как это было в прошлом году, но твердость характера и жесткость Васькиного решения

были непоколебимы. Смирившейся со своей участью Ольга ничего не оставалось, как молча подчиниться и остаться дома. А поводом для «отстранения» послужила пренеприятнейшая история с козлом, в которую ее втянула Клавка. Ольга после этого пришла домой пьяная. На «похмелье» Васька произнес очень внушительную речь, заканчивавшуюся последним предупреждением:

– Оля, так больше продолжаться не может! Давай будем решать: либо жить – либо пить!

Смущенная и униженная собственным падением Ольга заливалась краской до кончиков ушей и молча лила слезы. Но эти женские уловки уже не действовали, и в заключение Васька вынес свой приговор:

– В тайгу со мной не полетишь, а останешься дома! Это будет для тебя последним испытательным сроком. Если за время моего отсутствия все будет нормально – распишемся. Если нет, ты знаешь, куда положить ключ от дома...

Сказал – как ударил молнией! Она не ожидала такого невероятного поворота событий: лучше бы поколотил... Запоздалые оправдания, клятвы, мольбы уже не действовали – Васька обиделся не на шутку.

Она смирилась, но все же, надеясь на лучшее, в оставшееся время пыталась всячески изменить критическую ситуацию и всеми правдами и неправдами добиться его расположения, но слово Васьки было твердо, как камень. В день вылета он не взял ее с собой к вертолету и, простившись на

крыльце дома, повторил: «Помни мои слова...»

...Третья кружка бодрящего «купца» с домашними пирожками, настряпанными Ольгой в дорогу, придала сил и энергии. Ваське сразу захотелось приняться за работу, что-либо делать или куда-нибудь бежать по таежным тропам. С удовольствием, докуривая сигарету, он крутил головой по сторонам, осматривая груз, определяя очередность распределения упакованных продуктов и всевозможных необходимых в тайге предметов, начиная от гвоздей и капканов и заканчивая керосином и маслом для чистки ружей.

Мелькнувшая на краю поляны тень отвлекла его, меткий взгляд узнал знакомый силуэт собаки, выбегавшей из таежки. Волга уже закончила обход своих угодий, проверила знакомые места и, возвращаясь к избушке, тащила в зубах добычу – небольшую белую кость, гладко обточенную вездесущими мышами.

– Опять домой пропастину несешь? – ласково заругался Васька на свою любимицу. – И так все костями завалила!

Распевную интонацию хозяина Волга приняла за одобрение, поэтому на бегу вильнула пушистым хвостом, с легкой трусцы перешла на шаг и показательно пронесла находку на свое место. Под навесом бросила кость на землю и, обнюхав ее еще раз, повернулась к Ваське. Весь ее спокойный и умный вид говорил: «Вот какая я хорошая, такую редкую добычу принесла!»

Васька обратил внимание на совершенно необычную фор-

му принесенной собакой находки и, чтобы рассмотреть получше, подошел и присел рядом.

Кость не походила ни на одну из тех, что он видел у добытых им в тайге зверей. Форма сустава, толщина, угол изгиба совершенно не походили на ноги марала или оленя. А если вспомнить медведя, то с ним и вовсе не было никакого сравнения.

– Что это за гибрид? – обращаясь к собаке, недоуменно проговорил охотник и взял находку в руки. – Ты где это нашла?

Смотревшая на него сука вопросительно наклонила набок голову и, моргнув карими глазами, вильнула хвостом.

Еще большее удивление вызывал обломанный конец: почти ровный без оскольчатых зазубрин срез говорил о возможном переломе при жизни либо о вмешательстве человека после смерти. И очень похоже на удар острым предметом, возможно топором.

«После зубов хищника такие тоненькие косточки превращаются в крошку, значит, это не медвежья работа», – раздумывал он.

Въедливый характер следопыта, знающего в своей тайге почти все, требовал ответа, и охотник решил найти его во что бы то ни стало.

– Может быть, ты мне покажешь, где это взяла? А вдруг там еще что-нибудь лежит? – пытливо обращаясь к собаке, которая, в свою очередь, непонимающе продолжала моргать

глазами, спросил он. — Покажи-ка мне то место, где это находится!

Васька положил кость на недосыгаемую для собаки высоту, на поленницу дров, стоящую под крышей, тем самым начав небольшой эксперимент, заключающийся в следующем: не достав лакомства, собака обязательно вернется на прежнее место, чтобы взять другую кость. Кость не может лежать одна — там наверняка есть еще. Вот тогда-то и выяснится, что за зверь отдал богу душу в этих краях.

Пока Волга сделала несколько безрезультатных попыток достать кость, он взял из мешка пару обойм к карабину, зарядил его, поманил собаку и пошел в ту сторону, откуда прибежала лайка несколько минут назад.

Увидев оружие, сука радостно взвизгнула в надежде на предстоящую охоту и, определив направление хозяина, засеменила легкой трусцой впереди.

Чтобы не потерять собаку из виду, Васька шел ускоренным шагом, а в некоторых местах, где было почище, переходил на бег.

Не сбавляя своего хода, Волга шла ровно, как по прямой линии, не отвлекаясь на посторонние запахи, не проверяя многочисленных корневищ деревьев. Периодически останавливаясь, сука поворачивала голову, проверяя, идет ли за ней хозяин.

Через пару сотен метров собака побежала быстрее и вскоре скрылась из виду. Васька понял, что это место находится

рядом. Еще издали он увидел хорошо заметную группу высокоствольных кедров, которые в горделивом одиночестве расположились у края небольшой поляны, спускавшейся в шумный ключ.

Волга убежала в сторону деревьев, и поэтому внутреннее чутье охотника подсказывало – искать нужно именно там.

Чутье не обмануло, и вскоре он увидел то, что сразило наповал!..

Меж стволов деревьев лежал скелет человека, прикрываемый осенней травой, поваленной холодными белковыми ветрами.

Васька не поверил своим глазам. Чтобы убедиться в зримом, потрогал рукой легко поддающуюся кость ноги и только тогда понял, что это не сон.

Сопревшая одежда легко рвалась под пальцами, оголяя обточенные мышами кости. Выше пояса не было ничего: на возвышавшихся дугообразных ребрах кое-где свисали нити от съеденной с плотью рубахи.

Сохранившиеся, недоступные для мелких зубов внутренние жилы еще надежно скрепляли позвоночник и суставы конечностей, значит, останки человека лежат здесь не более года, по всей вероятности, с зимы. В летнее время его бы разорвал и съел медведь. Тогда возникает вопрос: почему труп был одет в легкую одежду?

Страшная картина отсутствия рук пугала своей тайной: ровный край кости подсказывал, что конечностей человека

лишили специально, возможно, еще при жизни...

Пулевое отверстие в переносице было сквозным и просматривалось большой рваной дырой выхода возле левого уха. Скорее всего, оно и было причиной смерти.

«Но зачем? Когда? Кто? Почему?..» – крутились вопросы в Васькиной голове, но он не мог дать на них никакого определенного ответа.

«Только этого в моей жизни и не хватает! – с тоской посмотрев на останки, подумал охотник. – Стоит только передать по рации в контору, и прощай, охота. Начнется следствие, и еще неизвестно, чем и когда оно закончится. А ведь могут подозревать меня... Но почему никто не заявляет о потерявшемся человеке? Кто это? Как он здесь очутился?»

Отсутствие обуви на ногах натолкнуло на смешную версию: может быть, труп скинули сверху, с самолета или вертолета?

Васька закинул голову и посмотрел вверх: все сучья довольно разлапистого кедра были целы, а положение останков говорило о том, что если бы было падение, то труп никак не мог миновать векового великана, после чего бы последовал перелом длинных веток. Да и целостность скрепленного позвоночника и костей конечностей отклонила эту неправдоподобную мысль. А отчлененные руки, одну из которых притащила к избушке собака? Нет. Он был убит на земле.

– И что теперь будем делать? – спросил он у сидевшей неподалеку собаки.

Но на этот вопрос он уже знал ответ – во избежание лишних проблем останки надо закопать. Он один, собака говорить не умеет, а тайга большая! Никто никогда об этом не узнает! Вот только надо сходить за лопатой – не копать же руками.

Васька встал, привычно закинул за плечо карабин и, позвав за собой Волгу, пошел обратно к избушке, до которой было не более километра.

Взяв немного левее, он вышел на охотничий путик, по которому в прошлом году ходила Ольга, и неожиданно удивился: труп лежал в каких-то пятидесяти метрах от маршрута.

Этот факт насторожил и еще больше запутал. Василий остановился, перебирая в голове клубок путавшихся мыслей, но, не допуская назревавшее предположение, отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

Глянув на быстро падающее к горизонту солнце, Васька посмотрел на часы и, присвистнув от удивления, заторопился по натопанной тропинке...

...Поздний вечер холодом тянущего с белков ветерка окутал потемневшую тайгу, легким дыханием подготавливая место для надвигавшейся черноты ночи. Безлунное, но звездное небо очистилось от редко бежавших облаков, предсказывая первоосенний заморозок – первый признак близкой многоснежной зимы.

Васька поежился от мысли о ледящем серебристом инее, который падет к утру на этот дикий край, передернул

плечами и, в последний раз окинув чистый звездопад Млечного Пути, нырнул в дверной проем хорошо натопленной избушки.

Усевшись на край нар, закурил на сон грядущий. Вслушиваясь в звуки булькающего на стене радиоприемника, медленно блуждал взглядом по бревенчатому срубу родной хаты и мысленно вернулся к закопанному сегодня человеку. Догоравшие в печи дрова бросали на потемневшие от времени стены блики рубинового пламени, просвечивавшие сквозь редкие и узенькие щелочки. Лишь одна дырка, свидетельство высокой температуры огня, ярко светила в прогоревшем железе, гоняя по помещению светлый луч.

«Ничто не вечно, – почему-то подумал Васька, – всему приходит конец! Что эта жестяная печка, что человек – все смертны! Умрет человек – закопают, прогорит печь – выкинут!»

Метавшийся по избушке отсвет пламени притягивал внимание и будто звал к разговору, стараясь отвлечь охотника от тяжких дум.

Затормозив взгляд на дружески подмигивающем в дырку огоньке, Васька почему-то засомневался, что боковое отверстие – след огня. В первую очередь прогорает верхняя часть... Да и печка не старая – отработала лишь пару сезонов.

Приблизился поближе – да это же след от пули!

Что-то дрогнуло внутри, комок горечи подкатился к гор-

лу...

Стал внимательно рассматривать дверь, стены и нашел то, что искал: несколько хорошо замазанных землей пулевых отметин дырявили дерево насквозь!

Испарина выступила на лбу... Почему-то вспомнилась гильза, найденная в калоше, странно исчезнувшая обойма от карабина... И вдруг до него дошло!

Он понял – понял все!

Быстро перебирая ногами по бетонным ступенькам лестницы, Васька спустился с перрона на привокзальную площадь и уверенными шагами направился к своей «Ниве», стоящей в гордом одиночестве на стоянке. Позвякивая связкой ключей в такт ходьбе, думая о чем-то приятном, он улыбался уголками губ, скрытыми за небольшими стрелочками аккуратно подбритых острым лезвием усов.

Изредка бросая косые взгляды на редких в этот будний день пассажиров, спешащих к маршрутным автобусам, он старался отыскать знакомые лица людей, которые могли бы стать попутчиками.

Смирившись с мыслью о поездке в одиночестве, о чем он не слишком-то переживал, Васька подошел к машине и задержался на несколько секунд, открывая дверь. Торопливый цокот каблучков, а затем и приятный девичий голос заставил обернуться:

– Вы случайно не в город едете?

Он узнал ее сразу – это была та самая красивая незнакомка, которую Васька видел несколько минут назад на перроне. Среди разношерстной толпы она выделялась. Он даже приблизился к ней и слышал несколько фраз разговора, пока девушка общалась с подругой.

Приятное, миловидное личико, измученное непосильной

ношей, состоящей из двух огромных сумок, оттягивающих хрупкие плечи, вопрошало о помощи. Густые, по-соболиному пушистые брови, изогнутые дугой удивления, нависали над большими карими глазами, притягивали естественным очарованием и ничуть не портили, а даже дополняли красоту чуть продолговатого лица. Слегка приплюснутый носик взволнованно шмыгал, покрасневшиеся и залитые алым румянцем щеки выдавали скромность характера и неловкость от заданного вопроса. Падающая на лицо прядь черных волос мешала: девушка откидывала ее легким кивком головы, подчеркивая этим движением свою привлекательность.

Ошарашенный ее неожиданным вопросом, застигнутый врасплох, Васька даже не понял, что обращаются к нему. На несколько мгновений замешкавшись, он застыл в изумлении и смотрел ей прямо в глаза.

Девушка смутилась, отвела взгляд и, не дождавшись ответа, повторила вопрос. До Васьки дошло, о чем его спрашивают, он ответил согласием, почему-то сдерживая слегка сбившееся дыхание:

– В город.

– Подвезете?

– Конечно! – И, пошутив, добавил: – Тебя – хоть на Марс!

Взяв у нее сумки, помог уложить вещи в багажник, суетливо забрался в кабину, открыл перед ней дверь и, пригласив на переднее сиденье, искоса и с удовольствием наблюдал, как она натягивает на оголившиеся колени голубенькую юбку.

Легко и чисто зажурчал двигатель, и Васька плавно выехал на главную дорогу. Желая завязать разговор с понравившейся ему незнакомкой, он спешно подыскивал и не находил нужную в этом случае тему. Потом вдруг как током обожгла внезапно вспомнившаяся «личная система» знакомства с прекрасным полом, не единожды проверенная на практике и всегда приводившая к колоссальному успеху. А заключалась она всего лишь в трех вопросах, задаваемых дамам, которые «поражали», потом «очаровывали и располагали», ну а затем «заинтересовывали».

Вася сразу же двинулся в атаку и, применяя первый, особенно важный тактический прием, как бы невзначай заговорил:

– Ну что, Олечка, окончила училище и едешь домой к маме с папой?

Она изумленно вытянула лицо – пуля попала в десятку. Не давая ей опомниться, он так же спокойно продолжал:

– Конечно, жизнь в городе не мед, да и с работой сейчас напряженка, а, чтобы без проблем поступить в институт, надо хотя бы пару лет практики!

Победа полнейшая! Оля была вовлечена в разговор и уже с интересом смотрела на своего нового знакомого. Подвергнутая внезапному натиску, она уже забыла спросить, откуда он знает ее имя, не догадавшись, что маленький секрет заключается в случайном подслушивании ее разговора с подругой, длившегося на перроне не более трех минут.

Черная полоса раскаленного июльским солнцем асфальта стремительно вращала колеса летящей на четвертой передаче машины, увозящей молодых людей, которые весело перекидывались между собой различными незначительными шутками, постепенно перераставшими в удовольствие от общения и радость от такой неожиданной встречи.

Ольга оказалось веселой и общительной девушкой, охотно отвечала на вопросы Васьки и на его шутки дарила белозубую приятную улыбку.

– Как мне повезло – спасибо вам, а то я и не знала, как добраться домой! – поблагодарила она.

– Во-первых, благодарить будешь потом, когда приедем, а во-вторых, может быть, перейдем на «ты»? Ведь я старше тебя всего лишь на пять лет!

Вновь возникшее удивление, алая краска на щеках и покорное согласие:

– Хорошо! Будем на «ты»!

Первое отделение Васькиного плана было завершено удовлетворительно, следовало переходить к «очарованию и расположению», и поэтому он лихорадочно соображал, что бы такое предпринять.

Внезапно остановившись на краю дороги, на вопросительный взгляд девушки коротко бросил:

– Посиди пару минут, я сейчас, – и быстро исчез за машиной.

Целью остановки была небольшая полянка, в изобилии

усеянная белоснежными ромашками, как будто специально возникшими из ниоткуда для выполнения второй части его плана.

Собирая в руку тугие стебли, Васька не забывал поглядывать на сидящую в машине девушку, которая воспользовалась его отсутствием и торопливо прихорашивалась.

– Это... мне? – удивилась девушка, принимая ромашки и заливаясь краской смущения. С волнением, оглядывая белоснежно-желтое очарование природы, вдыхая дурманыщий запах лета, Ольга хотела сказать, что это ее первые цветы, подаренные мужчиной, но, не в силах перебить рассыпавшегося в комплиментах Ваську, промолчала.

– Красивой даме – красивые цветы! – радовался Васька еще одной победе и, не давая девушке опомниться, продолжал свою атаку, одновременно соображая, чем бы ее заинтересовать. И нужные слова приходили на ум сами собой. – Была бы возможность, подарил бы тебе все эдельвейсы, растущие на белках!

– Эдельвейсы? А что это такое?

– О!!! – восторженно воскликнул он. – Это самые прекрасные цветы на земле. Растут высоко в горах, неудивительно, что ты их не видела. Цвет – радость для глаз, запах – вольный ветер!

Боковым зрением он заметил живой блеск, возникший в заинтересованных глазах, и понял, что совершенно неожиданно нашел тему для третьей части «своей программы». Не

останавливаясь ни на секунду, Василий продолжал завлекать попутчицу голубыми далями.

– Весной они забивают собой все свободные места: поляны, луга. Некуда ступить ногой! Кажется, что перед тобой си-
реневое море! В воздухе такой приятный аромат, с которым
и сравнить-то нечего! Это надо просто видеть! А если за-
браться на вершину белка, то дух захватывает от такой кра-
соты! – Он специально интригующе зацокал языком и от удо-
вольствия прикрыл глаза, зная, что она в этот момент смот-
рит не на дорогу. – Словно птицей летишь! Просторы – на
десятки километров! Красота гор, красота тайги – неопису-
емая! А голубые глаза озер, темные жилки ручейков и рек? Разве можно об этом рассказать? А олени, пасущиеся на лу-
гах? Впрочем, я не поэт и не писатель, не могу передать того,
что там есть и как это выглядит...

«Конечно, не писатель, – думала Ольга, – но рассказывает захватывающе! Просто интересно!» И уже вслух спросила:

– А ты что, турист? Любишь побродить по горам?

Усмехнувшись такому неожиданному крещению, Васька
немного помолчал и, скосив взгляд на девушку, ответил:

– Нет. Я не турист. Я – штатник.

– Как это понимать? – удивилась она незнакомому слову.

– Охотник! Профессиональный охотник! – дополнил он,
ожидая на сказанное реакции, которая не заставила себя дол-
го ждать.

– А что, разве существует такая профессия?

– Мало того что существует! Но еще и процветает! Не хватает мест для всех желающих.

– Это значит, что ты собственноручно убиваешь животных, чтобы утолить свою страсть?

Ваську задели ее слова, но он как можно спокойнее стал объяснять:

– Убиваешь – очень грубо сказано! Я или отлавливаю, или отстреливаю, чем регулирую численность поголовья соболей на своем участке. – Он сам удивился своим словам, они прозвучали как-то неестественно, по-книжному. – В тайге все взаимосвязано: что положено природой и сколько положено – лишнего не будет. Все зависит от корма для того или иного вида. Впрочем, вкратце я тебе не могу объяснить – надо время, это слишком длинная история...

Последние слова были произнесены целенаправленно и с умыслом: впереди показались первые строения, конечный пункт для Ольги, где находился дом ее родителей. Надо было что-то предпринимать: Васька не хотел расставаться с девушкой и желал продолжения знакомства, поэтому перевел разговор:

– Как ты смотришь на то, что вечером мы с тобой встретимся?

Это была окончательная победа! Он сразу же заметил это по выражению ее лица. Но Ольга напущенно сдвинула брови и, едва скрывая радость от сделанного предложения, ответила распространенной фразой:

– Может быть, и встретимся – посмотрим на твое поведение! И без рук...

Васька согласно кивнул головой и совсем по-другому, серьезно спросил:

– Так где твой дом? Показывай!

Ольга приподняла руку:

– Вон за тем поворотом – мой переулок!

Медленно открывая глаза и приходя в сознание после отключения, Николай уставил остекленевший взгляд в потолок, который очень давно не видел побелки, и сам себе задал знакомый алкоголикам вопрос:

– Где я?

Ответом на это донеслось смачное чавканье. Медленно повернув голову на издаваемый звук, к своему ужасу, он увидел большую рогатую голову, неторопливо жующую потемневшее от грязи древнее полотенце, которым его жена Марья постоянно вытирала со стола.

«Ну вот, наконец-то я и помер! – с тяжестью на быстро бьющемся сердце подумал он и, жалея себя, закрыл заполнившиеся слезами глаза. Скорее всего, попал в ад! Только почему-то черти очень похожи на наших коров! Вот вчера с ними разговаривал – они выглядели совсем по-другому, а здесь же что-то не то! Надо проверить...»

Медленно подтянул руку к уху – дернул изо всей силы. Больно! Нет, это не сон!

Резко подскочив на старом потрепанном диване, в последние десять лет издающем звуки квакающей лягушки, ужаснулся: соседская корова Зорька, стоящая посреди комнаты, не только смаковала наполовину зажеванное полотенце, но и, подняв хвост, исправно исполняла свои природные обя-

занности по «минированию» лежащего на полу паласа.

Всегда и везде следующий за матерью полугодовалый бык Мишка, своей внешностью и силой напоминавший доброго скакового коня, стоял на кухне и, зажмурив глаза от удовольствия, доедал из большой кастрюли, стоявшей у порога, вчерашний, начавший подкисать борщ. Текущие с морды длинные и тягучие слюни свисали до пола.

Видимо, не найдя более подходящего места, пестрый петух Петька топтал на шифоньере белоснежную курицу, после чего, горделиво выпятив грудь, захлопал крыльями.

Еще две рогатые скотины, уже незнакомые Николаю по масти, мирно лежали на полу в спальне, медленно пережевывая жвачку. Рядом на кровати спала пьяная жена Мария, издавая такой вибрирующе-заливной храп, что дрожали оконные стекла.

Из сеней в избу в открытый проем двери выглядывали еще две головы.

Спасаясь от знойного солнца и досаждающих паутов, мирные твари спокойно заволокли дом. Они беспрепятственно вошли в калитку, оставленную открытой пьяным соседом Иваном, ушедшим с полчаса назад в магазин за очередной дозой водки. Забыв закрыть за собой дверь, он едва отошел от дома и через десять метров был сражен тяжелыми градусами, упав в придорожную пыль, сосед по-орлиному раскинул руки и, вдыхая ароматы сельского хозяйства, зычным баритоном пугал сидящих на привязи дворовых собак.

Как сохатый во время гона, Николай проревел на всю хату утробным пропитым голосом:

– Ма-а-а-нь-ка-а! Вста-а-вай! Проспишь все хозяйство!

Мгновенно подскочившая на кровати жена, еще не проспавшаяся от продолжительного загула, оквадратила красные глаза и, крестясь рукой так быстро, что ее мелькание было едва видно, запричитала:

– Ой, Господи! О Боже!

Все пришло в движение! Застрявшие в узком проходе бычки, преспокойно лежавшие до этого в комнате, напуганные дикими воплями, скользили копытами по давно не крашенному полу и, напряженно приподняв хвосты, атаковали женщину «жидкой артиллерией».

Обезумевшая от страха соседская корова Зорька, не находя выхода, наматывала по комнате круги, накалывая на лирообразные острые рога попадавшие на пути вещи: черно-белый телевизор «Рекорд», сервант с находившейся в нем посудой, допотопный, хрущевских времен трельяж, зеркала от которого разлетались с сухим звоном.

Бык Мишка, с изумлением смотревший на мечущуюся мать, по всей вероятности, решил, что пора сматывать удочки. Но так как выход в сени был перекрыт его друзьями и братьями по рогам, то он просто-напросто выпрыгнул в окно, нацепив на свою могучую шею застекленную раму.

За ним выскочил хозяин дома и, по-индейски размахивая руками, погнался за взлягивающим по огороду быком.

Коротконогая Мария, не сумевшая преодолеть преграду подоконника, орала во все горло изнутри дома, своим криком будоража всю улицу.

Пара годовалых поросят, преспокойно перекапывавших мясистыми носами хозяйские грядки, радостно бросилась впереди погони, возбужденным хрюканьем указывая Михаилу дорогу, которая внезапно закончилась невысоким покосившимся забором.

Взбешенный Николай, прихватив попавшийся под руку увесистый лом, догонял нарушителя границ. Так как времени на раздумье у быка не было, он забодал возникшую преграду, подцепив на мощные рога пролет забора.

Процессия вырвалась на свободу в то самое время, когда Васька только свернул с главной дороги в тот же переулок. Он быстро направил машину в сторону. Молодые люди с недоумением и любопытством смотрели на происходящее, а когда мимо «Нивы» проскочил бык в раме, чудом не зацепив машину, Васька облегченно вздохнул, порадовавшись его величеству случаю.

Мгновенно переменившаяся в лице Ольга закрыла ладонями наполнившиеся слезами глаза. Васька непонимающе смотрел на девушку и пытался выяснить, что произошло.

– Пожалуйста, поедem отсюда, я потом все объясню.

Когда он остановился вновь и, заглушив двигатель, дотронулся мозолистой рукой до волос девушки, она вдруг уткнулась Ваське в плечо, всхлипывая, выдавила:

– Это был мой отец!

И как всегда бывает с людьми в тяжелые минуты жизни, рассказала о давно наболевшем. Так Василий узнал, что ее родители алкоголики, что последние годы жизни в доме были невыносимы из-за пьяных оргий, а два года учебы в училище были лучом света в кромешной тьме.

– Я вообще не хотела возвращаться домой, а сейчас уже точно не вернусь. Родных нет, подруги поразъехались. Что мне остается делать? – Как бы отвечая на свой вопрос, сказала: – Поеду назад, в город, может быть, там найду хоть какую-то работу...

Постепенно успокаиваясь, она отвернула припухшее лицо и, подсушивая слезы белоснежным платком, добавила:

– Ты извини меня, расплакалась как рева-корова, навялила свои проблемы. – Немного помолчав, попросила: – Вася, увези меня назад на вокзал, я тебе заплачу!

Васька, покачав головой, усмехнулся, но сразу ничего не ответил. Он долго смотрел вперед, обдумывая сказанное. Он всегда так делал: слушал, обдумывал, а лишь потом отвечал.

Ольга понравилась ему: ее внешность, чистота, скромность, приятная улыбка привлекли за непродолжительное время знакомства. Может быть, это та, кого он ищет? Та, о ком он думал во время своих скитаний по тайге, чей загадочный образ выплывал в сознании долгими вечерами, та единственная, кто сможет его осчастливить, кто будет его ждать?..

К тому же стечение таких неожиданных обстоятельств,

действовавших в его пользу... «Может быть, стоит рискнуть, попробовать? Ведь если я с ней расстанусь сейчас, то больше не увижу никогда...»

– Увезти назад до вокзала – не проблема, – начал он, медленно переводя взгляд на ожидающие его глаза. – Но что ты сейчас там будешь делать? Поезд пойдет только через сутки, и тебе придется куковать около двадцати часов.

Ольга уныло опустила глаза и тяжело вздохнула.

– Поедешь ко мне домой?

– К тебе – это куда?

– В соседний поселок. Я там живу.

– А жена?

– Нет у меня никакой жены. – И уже с грустью: – «Ни жены, ни детей, ни коня...» Это я так, слова из песенки. Подождешь поезда, а утром поедешь. Обещаю, что все будет нормально, как ты там говоришь: «Без рук и без ног»... Вечером посидим, поговорим, к тому же ты мне обещала встречу сегодня вечером! Так как?

Она молчала, подчиняясь безысходности положения, и только лишь шумно вздохнула, когда Васька плавно тронул машину с места.

– Проходи, осматривайся, будь как дома! Налево за кухней – твоя комната. А я пойду машину загоню, – сказал Вася и, как всегда проворно перебирая ногами, выскочил на улицу.

Медленно шагая по прихожей, Оля с любопытством посмотрела в дверной проем, ведущий на кухню, и оценила взглядом утварь в холостяцком обиходе.

Кроме холодильника «Бирюса», выдавшего еще мамаево побоище, двух деревянных самодельных столов хрущевских времен и двухконфорочной газовой плиты, не было ничего. Но для себя девушка отметила, что все находится в идеальной чистоте.

Раздвинув отутюженные шелковые шторы, Ольга прошла в предложенную ей комнату. Старательно заправленная двуспальная кровать, на покрывале которой не было ни одной складочки, с двумя белоснежными, уложенными по старинке, «квадратиками», подушками, так и манила к себе, предлагая блаженный отдых.

На небольшом столе темной полировки стояли и лежали немногочисленные вещи: зеркало, электробритва, шампуни, флаконы с одеколоном.

Прислушиваясь к звукам работающей во дворе машины, Оля заглянула в гостиную, где все находилось на своих ме-

стах и блестело чистотой и аккуратностью.

«Небогато живут охотники, – думала она, – но зато так все чисто! Даже не верится, что у него нет женщины!»

Заслышав приближающиеся шаги, поспешила в свою комнату и, прикрыв за собой шторы, принялась вскрывать одну из своих сумок, доставая необходимую одежду.

Он сразу же прошмыгнул на кухню, забрякал крышками кастрюль, «прогрохотал» сковородкой и, щелкнув дверкой холодильника, принялся за приготовление коронной холостяцкой еды – глазуньи. Разбивая на шипящую маслом чугунную посудину яйца, громко, чтобы ей было слышно, спросил:

– Баню растопить?

– Нет, не стоит беспокоиться, – ответила она где-то рядом, уже переодевшись и появившись в кухонном проеме.

Блузку заменила простенькая футболка, плотно обтянув ее кошачью фигуру с тонкой талией и многообещающей грудью. Взамен юбки появились спортивные эластиковые штаны, выделяющие ее стройные ноги и упругие бедра. Закалывая за маленькие ушки пряди волос, Оля приподняла руки вверх, вытянулась всем телом, еще больше подчеркивая свою статность.

Вывалившееся из Васькиных рук яйцо плюхнулось на носок ботинка и, издав чмокающий поцелуй, желтой слизью потекло на пол. Окаменевшей челюстью он пробормотал про дырявые руки, горячую сковородку, не сводя с девушки глаз,

чем вновь вогнал Ольгу в краску.

– Давай я похозяйничаю!

Через каких-то полчаса они уже сидели за столом, заставленным нехитрыми закусками, для чего Оля выпотрошила одну из своих сумок и, достав из нее редкие в этих краях помидоры и разные другие деликатесы, с грустью пояснила:

– Маме везла...

Он же торжественным охотничьим жестом достал бутылку водки, и, поставив на стол, кивнул на нее:

– Как ты смотришь на это?

Оля неопределенно качнула головой, подняв палец, попросила подождать. Удалившись в комнату, порылась в своих сумках и, возвратившись, передала ему «Амаретто».

Васька удивленно чмокнул губами, разлил по стопкам.

– За знакомство! – просто, с улыбкой сказал он и посмотрел на нее прямым взглядом, от которого она вновь покраснела.

С явным удовольствием выслушивая его похвалы насчет отменного приготовления блюд, Ольга не знала, куда деться, и, чтобы хоть как-то остепенить красноречивого искusstителя, перевела разговор на другую тему:

– Скажи мне честно – ты все врешь?

– Ты о чем?

– Что ты охотник, улетаешь в тайгу на полгода, добываешь соболей?

– Ты мне не веришь?

– В таком случае, где твои трофеи, шкуры, рога и все прочее? – с хитростью посмотрев на него, спросила она. – Почему их нет на стенах?

Поняв причину ее настороженности, он усмехнулся:

– Это ты, наверное, крутых фильмов насмотрелась про западных охотников. Все трофеи – на стене! Или у начальников в кабинетах. – Немного помолчал. – У нас все не так. Простому охотнику положено все отдать государству. Ну а насчет рогов – женюсь, жена поможет!

– Неужели ты для себя вообще ничего от тайги не оставляешь? – удивилась она.

– Кто его знает. Может быть, и оставляю... А хочешь – фотографии покажу?

Он достал альбом и с удовольствием стал показывать снимки.

– Тайга – моя любимая тема! О ней могу рассказывать целую неделю.

Васька был хорошим рассказчиком.

Оля слушала и переносилась в царственный мир восточносаянской тайги, где человек остается один на один с природой, живет и выживает в различных критических ситуациях.

Простая речь Васьки действовала на Ольгу гипнотически. За время короткого знакомства из простого водителя-остролова Вася вырос до мужественного, сильного, стойкого человека. Он продолжал расти в ее глазах, вызывая уважение,

признательность и что-то еще, чего Оля не могла пока объяснить...

Однако, не забывая о столе, он прервал свои истории, вернув девушку в реальность.

– Третий тост за любовь! – повторил он где-то услышанную фразу и не моргнув глазом соврал: – Надо целоваться!

– А это обязательно? – покраснела она.

– За любовь – да! – опять настаивал он.

– А разве у нас есть любовь? – уже прошептала она, почувствовав легкое головокружение.

– А как думаешь ты? – приблизив свое лицо к ней, тихо спросил он и стал медленно приближаться губами к ее чуть приоткрытым и подрагивающим от волнения губам...

Она не отвела лица, а просто закрыла глаза в ожидании...

Вася, как всегда, проснулся рано, с первыми лучами заглядывающего солнца.

Посмотрев на часы, усики которых показывали половину седьмого, он осторожно освободил плечо от Ольгиной головы и, приподнявшись на локте, стал смотреть на спящую девушку.

Она была прекрасна! В эту минуту ее лицо напоминало совсем юную девочку и дышало нежностью и очарованием. Мелко подрагивающие пушистые ресницы, сомкнутые глаза под густыми черными бровями придавали внешности неповторимую красоту. Разметавшиеся по подушке волосы несколько не портили ее, призывали погладить себя рукой.

Васька медленно протянул руку. Дотронувшись до волос, осторожно, прядку за прядкой откладывал за спину, оголяя покатые плечи и упругие, оканчивающиеся коричневыми изюминками груди.

Васька вдруг подумал о том, какой дорогой подарок подарила ему судьба. Эта встреча была наградой за время бродяжничества по тайге, черные, томительные ночи одиночества. Он верил и не верил своему счастью, так внезапно ворвавшегося в его жизнь...

Большая стрелка часов дала знать, что пора идти на нескончаемую работу. Стараясь не шуметь, позавтракал остатками вчерашнего пиршества. Написал коротенькую записку, еще задержал взгляд на счастливо спящей Ольге и вышел из дома.

Набрал полную грудь прохладного утреннего воздуха, улыбнулся. Сидевшая в вольере Волга приветственно взвизгнула и помахала хвостом, но он как отрезал:

– Теперь тебя будет кормить хозяйка!

Сказав эти новые для своих ушей слова, заспешил по поселковой улице к промхозовской конторе.

Весь день Васька был сам не свой, он ежеминутно оглядывал «стоявшие» на одном месте стрелки часов. Мрачно смотрел на медленно движущиеся стволы деревьев, входящих в раму шуршащих пил и выходящих оттуда готовым пиломатериалом, машинально откидывал пахнущие смолой доски. Он был, как никогда, задумчив и молчалив, на шутки мужи-

ков отвечал невпопад.

– Не заболел ли? Или что случилось? – спрашивали они поочередно.

Все прояснилось, когда на пилораму зашел Васькин сосед. Егорка разогнал туман дырявой шапкой, рассказав о молодой бабе, привезенной вчера из города. Напарники, недолго посмеявшись над Васькиными застойными временами, прожитыми в одиночестве, отпустили его с работы намного раньше положенного.

Возвращаясь, он не шел, а летел на крыльях. Он боялся мысли, что все это может оказаться сном, и, возвратившись в стены недавно выстроенного им дома, никого там не найдет, кроме дикой тоски и страшного одиночества...

Еще издали он увидел мелькнувший в окне дома знакомый силуэт. Ольга встретила его у порога своей очаровательной улыбкой. Из кухни доносились запахи чего-то очень вкусного.

– Как дела?

– Да пока что хорошо, вроде бы успеваю. Хотя время уже поджидает. – Она искоса посмотрела на настенные часы.

– Ты что, куда-то торопишься?

– Скоро поезд, – как-то тихо проговорила она, – пора собираться!

– Ах, вот ты про что! – нараспев протянул Вася. Подойдя к ней, взял крепкими, жилистыми руками за плечи и, прижав к себе, обнял: – Никуда ты не поедешь, останешься

здесь. Это будет твой дом!

– Ты это... серьезно? Ты хочешь этого?

Вася несколько минут помолчал и подтвердил:

– Как никогда!

Из дневника Ольги:

«Июль. Моя жизнь круто переменилась: вместо того чтобы в настоящее время находиться под крылом моей мамочки, я сижу в совершенно другом доме и пишу эти строчки. Думала ли я еще вчера, что со мной произойдет за несколько часов и меня увезет “рыцарь на белом коне”? Конечно нет! Но это произошло!..

Мне приснился прекраснейший сон, какого я не видела никогда в жизни! Я стояла на вершине очень высокой горы, и вокруг открывалась такая красота!

Под ногами – огромная долина, а на ней – цветы. Те цветы, про которые мне все рассказывал Вася. Они заполонили все вокруг и были похожими то на белые ромашки, то на лилии, то на красные бутоны роз.

По лугам бродили диковинные, неизвестные животные и позволяли трогать себя руками.

Удивительные запахи наполнили воздух благоуханием. От них кружилась голова, а душу заполнило чувство восторга, от которого хотелось петь, летать, радоваться и вообще делать детские глупости...

Потом появился Вася и поманил к себе рукой. Я шла к нему, а он отступал; я шла быстрее, а он все быстрее уда-

лялся, пока не исчез совсем, оставив меня посреди луга с прекрасными цветами...

...Вася предлагает мне остаться у него, и, хотя я понимаю, что это выглядит очень неприлично, принимаю его предложение, потому что мне некуда деваться. Но честно скажу, что он мне очень понравится. Я перешагиваю границу своей дальнейшей жизни с чувством радости и надежды».

Что может занимать профессионального охотника, когда он дома, а не в тайге? Конечно же тайга! А вернее, подготовка к предстоящему сезону.

В сенях дома с каждым днем растет куча вещей, необходимых для промысла.

Аккуратно уложена в мешки одежда, рассортированная по комплектам от простых штанов до рукавиц. В ящиках – железо: несколько десятков капканов, скобы, гвозди и разделки под печные трубы. Отдельно от железа – двойные стекла в рамках, хорошо удерживающие тепло в сорокаградусные морозы, керосиновые лампы и стекла к ним.

Большую часть груза занимают продукты, начиная с хрустящих сухарей в мешках и заканчивая тяжелыми ящиками с тушенкой и сгущенкой. Все выдано промхозом за самую низкую, копеечную цену. Хорошая жизнь была у охотников в последние, счастливые годы доперестроечного времени.

Широкие камусные лыжи, отлично сделанные на заказ, занимают особое место. После тщательного осмотра и подгонки юкс к ичигам Васька тут же упрятал их в брезентовый чехол, поставив в блокнотике птичку.

Этот блокнотик, окрещенный Васькой «ходовой портянкой», играет немаловажную роль в жизни охотника. Сверясь по заранее подготовленному списку, он хмурит брови и

морщит лоб, что-то подсчитывает, своим серьезным видом веселя Ольгу. Она обвивает руками его шею и, улыбаясь, шепчет на ухо:

– Тебе не охотником, а бухгалтером надо быть!

– Тут станешь не только бухгалтером, но и экономистом. Все надо предвидеть! В тайге магазина и промхоза нет, дядя не подкинет!

– И куда ты столько набираешь, ведь тут продуктов на целую армию?

– На армию – не знаю, но мне на полгода хватит, – подтверждает Вася с улыбкой, – может, еще и про запас останется!

– На полгода?! – недоверчиво переспрашивает Ольга. – Ты будешь в тайге полгода?!

– Ну, шесть месяцев – слишком много. Возвращаемся обычно в декабре.

– А как же я? – потухает она. – Что я буду делать без тебя?

– Вот в этом и кроется весь секрет: дождешься – поженимся, а нет... – Он не договаривает и смотрит в глаза, как будто выискивает в них что-то.

О том, что Вася привез себе невесту, знала вся округа и поэтому горела жадной посмотреть на молодую особу, скрывавшуюся за стеной новеньких тесовых ворот. Даже самая любопытная из всех, жена Егора, общеизвестная болтушка Клава, всегда и везде сующая свой конопатый нос, не могла

сказать чего-либо вразумительного. Васька тщательно оберегал свою любовь «от дурного глаза» и всячески уклонялся от пронирыливой бабенки, несколько раз прибегавшей то за солью, то за деньгами, то еще невесть за чем, не пуская ее дальше крыльца.

Естественно, что всем было любопытно, когда Ольга появилась на людях и, приветливо улыбаясь и здороваясь со встречными, направилась в сторону сельской лавки. Позади нее слышалось оживленное шушуканье бабушек на скамеечках. Клава, завидев Ольгу из окна своего дома, подхватила под мышку выдавшую виды большую хозяйственную сумку, участницу многократных боев с несговорчивыми соседками, и, забыв про закипающую на плите кашу, помчалась вслед за Ольгой.

Продавщицы отпускали товар молча и, заискивающе улыбаясь, завидовали не только привлекательности Ольги, но и неожиданному счастью, привалившему ей: Васька считался одним из самых достойных в поселке холостяков, неизвестно почему отвергавшим многочисленные знаки внимания со стороны женского пола.

Запахавшаяся Клава, ужасно обрадованная встречей с девушкой, нарушила напряженную тишину магазина и, воспользовавшись моментом для знакомства, обрушила на Ольгу водопад слов.

За весь непродолжительный отрезок пути домой девушка узнала очень многое. Теперь она знала, кто из живущих на

этой улице охотников добывает соболей, в каком количестве; что бабка Егориха – колдунья и еженощно заставляет своего деда кататься на козле; а два года назад какой-то Тимоха упер у нее из огорода лейку и сделал из нее самогонный аппарат.

Ольга незаметно косилась на Клавкину сумку, в которую, по ее словам, был вшит обломок кирпича – «для весу сказанных слов» с несоглашавшимися собеседниками.

Но, судя по реакции редких прохожих, попадавшихся на их пути, все были согласны: мужики и женщины «лепили» на свои лица улыбки и почти в поклоне приветствовали:

– Здравствуйте, Клавдия Митрофановна!

Проходя мимо своего дома, Клава повела носом и, прервавшись на полуслове, попыталась изобразить из себя идеальную хозяйку:

– У какой-то вороны каша горит! – И тут же продолжила свой длинный рассказ, подходя вместе с девушкой к ее дому.

Услужливо приоткрыв дверь, пропустила хозяйку и юркнула следом, выпытывая тайную информацию о молодой жизни Васи и Оли.

Она проследовала бы и дальше в дом, но на крыльце внезапно возник хозяин, который неприветливо пошевелил усами.

– Ой, подруженька, извини, у меня же дома дела ждут! Потом встретимся и еще поговорим! – стреляя глазками в сторону Васьки, до недавнего времени бывшего ее любовником, проговорила она и скрылась за воротами.

В свободные минуты Оля подходила к вольере, в которой сидела Волга, возмужавшая за время промысловых сезонов матерая сука. Своим телосложением, мастью и спокойствием характера она сильно походила на волчицу. При первой встрече девушка подумала, что за сеткой и в самом деле сидит зверюга, но звонкий собачий лай развеял сомнения.

Между ними с первых дней завязалась дружба, так как Оля всегда припасала для Волги лакомый кусочек, остававшийся после обеда.

Когда Васька отсутствовал, Ольга заходила в вольеру и ласково гладила собаку по шелковой шерсти.

Волга клала голову к девушке на колени и, закрыв глаза от удовольствия, слушала приятный голос, как будто понимая человеческую речь:

– Когда будешь с ним в тайге, помогай и оберегай своего хозяина от нападения зверей, не отлучайся надолго, и вообще...

Что такое «вообще», Оля представляла с большим трудом и не знала, от каких зверей надо оберегать, потому что ни разу не была в большой тайге.

Увидевший их вместе Васька удивился:

– Как это она тебя к себе подпустила? Обычно чужих людей она просто не замечает.

Оля пожала плечами:

– Но я же теперь не чужая... Она узнает свою хозяйку.

Волга помахивала хвостом и пыталась выскользнуть на свободу, но тут же, получив резкий окрик Васьки, послушно возвращалась назад.

– Почему ты ее не выпускаешь? – заступилась за собаку Оля.

– В тайге набегается!..

Поводом для запрета послужил случай, поссоривший Ваську с соседями. Это случилось несколько лет назад и давно поросло былью, но табу на свободу сохранилось. Причиной ссоры послужил сиамский кот, увалень и любимец Натальи Георгиевны, жившей через два дома от Васьки. Она была председателем сельского совета и яркой защитницей коммунистической партии, не воспринимала никакой правды, кроме своей, всегда готовая сражаться за нее до пены у рта.

Внешностью и голосом она сильно напоминала тывкающую на ветер собачонку, за что и получила прозвище Болонка. Что же касается Васьки, то, поговорив с ней всего лишь один раз, он всячески избегал встреч с представительницей власти, втайне думая, что настоящее место для нее – Овсянка под Красноярском.

Приобретенный в районе маленький котенок Барсик вырос в огромного кота и под чутким надзором любящей хозяйки превратился в хозяина улицы. Вскормленный до размеров месячного поросенка, он напустил страх не только на котов и кошек, но и на соседских собак.

Внезапно прыгая с высокого столба хозяйских ворот, он

издавал дикий вопль и впускал острые когти в загривки спокойно пробегающих мимо противников, никак не ожидавших нападения. За очень короткое время он отвоевал свою территорию и с удовольствием наблюдал, как все поселковые собаки обегают улицу стороной, не желая связываться с сумасшедшим котом.

Этому дерзкому нападению подверглась и Волга. Молодая и неопытная, она попросту поджала хвост и, жалобно поскуливая, ретировалась к Васькиным ногам. А кот, важно вышагивая к скамейке, сел рядом с хозяйкой и с грозным мурлыканьем выслушал ее одобрительные возгласы:

– Ай да Барсик, ай да молодец!

Прошел год, Волга сходила с Васькой в тайгу и, пройдя большую школу, научилась многому. В один из теплых и солнечных дней состоялась ее встреча с Барсиком.

Почувяв весну, народ высыпал на улицу и, греясь в лучах небесного светила, кучковался по группам: мужики с мужиками, а женщины с женщинами.

Васька, отпустив на волю засидевшуюся за зиму Волгу, потихонечку застучал ломиком по скопившемуся на тропинке весеннему льду.

Собака по дороге порезвилась, прошвырнулась по соседским помойкам, нашла добрую кость и засеменила к дому. Обратный путь соболятницы проходил мимо того злосчастного места, где королевствовали Барсик и его важная хозяйка. В тот момент Наталья Георгиевна рассказывала разинув-

шим рты бабам, как ей делали «химию» в районной парикмахерской.

Кот, увидев бегущую собаку, сузил голубые глаза и приготовился к нападению.

Насмешливо и с ехидцей председательница крикнула:

– Сосед! Убери собаку, а то Барсик ее порвет!

Она хотела сказать что-то еще, но последние слова застыли на губах: котяра уже летел на собаку с дикими воплями, предвещавшими нечто ужасное и трагическое.

Волга спокойно бросила кость и, сделав резкий выпад навстречу летящему коту, ловко сомкнула челюсти на его толстой шее. Несколько резких рывков головой из стороны в сторону – и все кончено. Разжав пасть и равнодушно посмотрев на «зевавшего» кота, сука вновь подхватила свою косточку и как ни в чем не бывало побежала дальше.

Далее произошла самая обыденная сцена: женщина орала на всю улицу и плевалась слюной, как марал во время гона, которому не досталась маралуха. За какие-то полчаса Васька узнал все, что о нем думает взбесившаяся соседка. Хотя дело до милиции не дошло, Волга с тех пор больше не покидала своего места.

...А пока что Васька ласково потрепал любимицу, кормилицу и соболятницу за ухом и сказал:

– Ничего, милая, осталось совсем немного. За осень набегаетесь...

В один из дождливых вечеров Ольга заскучала. Сидя у ок-

на, она с грустью смотрела на мелко морозящий дождь, на размытые очертания опустевшей улицы.

– Отчего принцесса грустила? – пытаюсь приподнять настроение подруге, спросил Васька.

– Родителей вспомнила. Как они там? Хотелось бы увидеться...

– Какие могут быть проблемы! Завтра же едем к ним! – объявил он. – К тому же впереди выходной день!

Всю дорогу она сидела как на иголках и по мере приближения к дому волновалась все больше и больше. Но, увы, безрадостная картина повторилась и на этот раз: их встретило тихое застолье с утра похмелявшихся родителей и собутыльников.

Подвыпившая мать доброжелательно приглашала к столу, на котором красовалась початая бутылка, а из закуски во- няла подкисающая прошлогодняя капуста, сдобренная пере- давленными огурцами.

Отец старался казаться важным и, покачиваясь из сторо- ны в сторону, дышал перегаром. Знакомясь с новоявленным зятем, протягивал Ваське давно не мытую руку. Оправдывая свою спившуюся персону, он пытался разрисовывать свою «трудную жизнь».

Но Ваське и так было видно, до чего докатилась в неда- леком прошлом уважаемая семья, державшая отличное по сельским меркам хозяйство и работавшая от зари до зари как на производстве, так и дома. Он ничем не выдавал своего от-

ношения и с напускным удовольствием разговаривал с родителями. А Оля, стыдясь своих предков, удалилась с матерью в соседнюю комнату и о чем-то долго разговаривала с ней.

Ваське начали надоедать пустые речи Николая и его дружка, говоривших об одном и том же: в каком магазине водка дешевле и где она качественней. Ему пришлось удовлетворить просьбу отца съездить в магазин и взять «литру» на свои деньги. Сразу же став «хорошим зятем», он усмехался, но все же предпочел молчать, как всегда делал в подобных случаях.

Не желая обижать «тестя», он выпил пару стопок за знакомство и «процветание дальнейшей жизни» и в ожидании Ольги, собиравшей с собой необходимые вещи, скромно кивал головой, соглашаясь с собеседниками.

Наконец-то дождавшись ее, с радостью подхватил небольшой чемодан и поспешно вышел к машине.

Вся честная компания вывалила следом проводить.

Отец, придерживаясь за забор, горделиво выхаживал около машины, бросал любопытствующим соседям торжествующе:

– У меня зять с машиной!

И, наклонясь над Васькиным ухом, тайно выпросил еще на «литру». Удовлетворенный суммой, полез целоваться, обещая скорый приезд в гости.

Как только дом скрылся из виду, Ольга с горечью сквозь слезы выдавила:

– Вот так было всегда! Но в последнее время все хуже и хуже, загулы затягиваются... Что делать?

Он промолчал, про себя подумав, что теперь уже ничто не поможет.

Километры дороги летели под колеса, отдаляя Ольгу от родителей и старой жизни, приближая к новому, как ей казалось, светлому будущему. Вытерев последние слезы, она глубоко вздохнула и, посмотрев на Ваську, улыбнулась:

– Но жизнь-то не кончилась?

Он ответил изгибом уголков губ, как бы подтверждая:

– А ты в этом сомневаешься? Не переживай, думай о хорошем, и все будет нормально! Все только начинается!

Из дневника Ольги:

«Еще раз благодарю судьбу за то, что свела меня с таким хорошим человеком, как Вася! Чувствую, что с каждым днем он становится все ближе и родней... Что бы я сейчас без него делала?»

Стремительным полетом гусиной стаи, спешащей весной в родные места гнездовий, пролетели два месяца – июль и август. Месяцы счастья, любви, взаимопонимания. Практически все дни походили друг на друга: Васькина работа, счастливая улыбка ожидавшей его Ольги, нежные поцелуи, долгие разговоры обо всем на свете, ласки девичьих рук...

Казалось, что этому не будет конца, и все будет длиться вечно, но на лицо девушки накатывалась легкая тень, когда она думала о предстоящей разлуке, об одиночестве на протяжении нескольких месяцев...

И этот день настал...

Совершенно неожиданно Васька просто, как будто ничего не происходит, объявил:

– Послезавтра вертолет. – И уже для себя, подставляя к общей куче подготовленного груза канистры с керосином и бензином: – Вроде бы все приготовил, завтра получить договор, оружие, патроны, а потом...

Взглянув на побледневшую Ольгу, стоявшую рядом, протянул руки и обнял девушку за плечи, прижимая к себе:

– Что ты? Все нормально, привыкай! – успокаивал он ее, вытирая ладонью побежавшие слезинки. – На твою ответственность оставляю дом, будешь жить и ждать. Раз в неделю приходи в контору на связь, будем разговаривать, что-

нибудь про любовь расскажешь... – уже шутливо, стараясь приподнять настроение, улыбнулся он.

– Тебе хорошо говорить – ты привык! А у меня знаешь что сейчас на сердце делается?

– Представляю... У меня тоже так было, когда полетел первый год...

– А с тобой можно... полететь? – неожиданно спросила она, с мольбой глядя в его глаза.

Он удивился такому вопросу и, немного помолчав, ответил:

– Но ведь тайга – это не проспект Мира в Красноярске! Это ежедневный труд от зари до зари – не каждый мужик выдерживает такую нагрузку!

Большие снега, да такие, что ты себе даже представить не можешь! А холод, от которого лопается железо? А отсутствие цивилизации? Кроме приемника – ничего!

– Не пугай, не боюсь! Хочу с тобой хоть на край света!

Васька помолчал, не зная, что и предпринять. С одной стороны, если хочет, можно взять. Но с другой – почти городская, слабая и хрупкая – не выдержит! А как ее потом оттуда доставлять, если захныкает? Да и как попасть в тайгу? Ведь в вертолете, иной раз загруженном до предела, не найдется места. Летчики будут против! И директор не допустит...

– Нет! – отрезал он. – Нельзя! Останешься дома! Всего лишь до Нового года. Ты и не заметишь, как время пролетит!

В ответ Ольга тяжело вздохнула и, ничего не сказав, удалилась на кухню...

Как было заведено с незапамятных времен неписаными законами промысловиков, за несколько дней до заброски в тайгу почти весь коллектив промхоза впадал в загул. Празднуя начало нового охотничьего сезона, самого важного события в году, желанную встречу с родными просторами распределенной по участкам тайги и предстоящее уединение от порядком надоевших жен и цивилизованного мира, штатники «догонялись», напивая свой организм спиртным перед длительным воздержанием.

Парализованный промхоз прекращал какую-либо деятельность. Воздерживались лишь охотовед и товаровед, выдающие лицензии и оружие с патронами. Но, несмотря на загульные дни, спецпомещения с удесятеренной силой гудели мужскими голосами; в пьяном угаре промысловики наперебой рассказывали друзьям о тонкостях охотничьего дела, об особенностях угодий и обо всем, что только может рассказать набравшийся храбрости охотник. Гонцы носились в ближайший магазин и, уже не таясь строгого директора, тащили очередную порцию водки, которая громко позвякивала в карманах или в обычной хозяйственной сетке.

Понимая важность момента, директор не наказывал никого и на все смотрел сквозь пальцы, следя только за тем, чтобы мужики покинули территорию и перебирались по до-

мам. Для этого он отправлял своего охотоведа на «разгон демонстрации», последний тут же бежал исполнять указание. Разгулявшиеся охотники покидали помещение кузницы или столярки, а через пять минут вновь собирались либо в гараже, либо в жестяночном цехе.

Осознав, что мужиков выкурить практически невозможно, он просто обходил веселившихся и отводил взгляд в сторону, как будто не замечая их.

Васька не был белой вороной и тоже выпивал вместе со всеми, но, более ответственный по своему характеру, знал меру и вовремя покидал разгорающиеся мероприятия, а при получении оружия всегда имел трезвую голову и в нормальном состоянии доставлял домой казенные «Белку» и СКС.

Выйдя из дверей конторы, Вася заспешил было домой, но, к своему неудовольствию, заметил знаменитую семейную чету – соседку Клаву, сопровождавшую своего Егора домой. Изрядно захмелевший муж едва перебирал ногами и почти полностью навалился на жену, изгибающуюся под тяжестью тела вербой на ветру. Ей мешали ружья, висевшие на ее спине, и поэтому Клава почти кричала на всю улицу:

– Да шевели ты ногами, ирод окаянный, а то сейчас снесу башку прикладом!

Вася хотел было повернуть назад и незаметно перебраться на другую улицу, но уже был замечен обрадованной соседкой, завизжавшей от радости:

– Вася, помоги!

Пришлось помогать. Пока дошли до дома, Клава уже звала в гости на тихий и скромный вечерок, где будет еще несколько человек, тоже хорошо знакомых Ваське охотников, вместе с женами. Зная нрав и крутой характер соседки, которая не могла жить без приключений, он долго не соглашался, но настойчивость соседки перетянула.

Ольге он сказал:

– Пойдем, познакомишься с женами – будет к кому обратиться в случае чего, пока меня не будет.

О чем могут разговаривать собравшиеся вместе охотники-профессионалы, у которых все сознание заполнено одной лишь мыслью – предстоящим промыслом? Без сомнения – об охоте!

За накрытым на веранде столом – шесть человек, три пары: Васька с Олей, Егор с Клавой и еще один из друзей – Серега со своей супругой Натальей.

Распределившись по группам – мужики с одного края стола, женщины – с другого, – обе половины ведут свои разговоры, прерываясь лишь для редких тостов, после чего опять замыкаются по своим обществам.

– Ты слышал, Васек, Скворца-то опять выпустили, – говорит Серега. – Говорят, что временное «просветление» ума, ведет себя нормально, не буйствует. Позавчера приезжал к директору, просил участок, но ты же сам знаешь, что у него билет «желтого» цвета.

– Ну и что сказал директор? – перебивает протрезвевший

с обеда Егорка. – Пускает на охоту?

– Ты что, не помнишь, что ли, как у него в тайге «крыша потекла»? Чуть было соседа своего не завалил! Хорошо, что в карабине патронов не оказалось!.. Директор соврал, что участков свободных нет.

– А он что? – как бы нехотя перебивает Васька.

– Сказал, что все равно в тайгу пойдет! – И добавляет: – Жалко мужика, от сердца жалко! И что с ним случилось? Такой здоровый и такой умный был. В промхозе в передовиках ходил, всегда соболей больше всех сдавал! И надо же такому случиться...

– Действительно говорят, не знаешь, где потеряешь и где найдешь, – сочувственно поддакивает Егор и предлагает: – Что, может быть, еще по одной замахнем?

– Тебе, поди, уже и хватит! – перебивает Клава мужа. – Скоро со стула упадешь! Мужики пусть пьют, а ты нет!

– Цыц, баба! – ответно рычит на жену Егорка. – Будешь квакать – соболей не получишь!

Клава сразу же переходит на заискивающий говорок и, пытаясь угодить мужу, наливает ему полную стопку водки, после чего начинает хвастать широко раскрывшей рот Ольге, каких черных соболей обещал добыть для нее Егорка:

– И на шапку пару, и на воротник! Сказал, что выберет самых лучших: жена дороже, чем государство!

Наталья лишь улыбается, она-то прекрасно знает, что это пустые ежегодные обещания, и самым дорогим подарком от

Егора была одна пара соболей, принесенных и подаренных еще в первую годовщину их совместной жизни.

Но подвыпившая бабенка не унимается и даже сама верит в свое вранье:

– Я уже договорила с мастерицей насчет пошива – совсем недорого. Сошьет шапку и ворот за неделю...

– Это кто это у тебя мастер? – вмешивается в женский разговор Егорка. – Уж случайно не Васильиха? Так она тебе такой «пострел» сошьет – вороны смеяться будут!

– Что ты городишь! – пытается противоречить вредная баба мужу. – Нормально шьет! Это еще неизвестно, кто и что неправильно «постреливает»...

Намек для хорошо подвыпившего Егора – кровная обида: он зло хмурит брови и пытается привстать, но Васька вовремя перебивает разговор на новую тему и подсовывает стопку.

За время непродолжительной вечеринки Васька тайно наблюдал за своей подругой. Его переживаниям не было конца. Что произойдет за это время? Как она себя поведет? Будет ли ждать? А может быть, через несколько дней покинет дом, как это было с Аленой? А она тоже любила... или это были только пустые слова?

За всеми этими думами он едва заметил какую-то мысль, как молния ударившую в голову, и не сразу понял, что же его взволновало.

Поглядывая на Ольгу, у которой алым румянцем разгорелись щеки, прищуренные глаза забегали по сидящим за сто-

лом, заплетающийся язык стал выдавать все ее тайны, Вася понял причину своего беспокойства. Ольга выпивала!..

В отличие от Натальи, которая грела в руках налитую еще в первый раз рюмку, Ольга, нисколько не отставая от Клавки, которая периодически подливала и себе, и захмелевшей подруге, сушила все, что ей наливали. За налитой третьей стопкой последовала четвертая, потом пятая, шестая...

Васька почему-то вспомнил первый вечер их знакомства, когда он привез ее в свой дом. А ведь тогда она тоже «употребляла». Тогда он просто не придавал этому никакого значения, но сейчас факт был явно налицо.

«Неужели?.. – подумал он, все еще не решаясь смириться с настойчиво пугающей мыслью. – Нет, девчонка просто в хорошем настроении. Наверное, я зря паникую».

Мужики заспорили, кто лучше стреляет в тайге. Егорка вдруг захотел разрешить спор прямо сейчас и, не слушая Серegi и Васьки, покачиваясь, побрел в кладовую за «Белкой».

Компания вываливает в ограду и, развесив на заборе консервные банки, начинает «снайперскую» стрельбу. Пуская по кругу ружье, все стреляют малокалиберными патрончиками.

Егорка мажет и поэтому напущенно сердится, считая виноватой Клавку, которая отпускает под руку разные колкости.

– Попробуй попади сама! – разгневанно говорит он, передавая в ее руки заряженную винтовку. Клавка с охотой

взводит курок и, тщательно прицеливаясь покачивающимися стволами, хлопает в сторону непоколебимой банки. Пулька тукает о край штaketины и тут же непродолжительно визжит рикошетом. Банка висит на месте, но за забором отчаянно кудахчет соседская курица.

С недобрým предчувствием Васька быстро подбежал к невысокой преграде. На сопредельной территории стоял пестрый красавец петух и, взъерошив на шее наполовину выщипанные в драке перья, искоса поглядывал на любимую рябушку. Растопылив крылья и округлив ничего не понимающие глаза, он вопросительно оглядывался вокруг, ища обидчика невесты, которая завалилась набок и в предсмертной агонии сучила ногами. Остальные шесть наседок замерли на месте.

Зловещая тишина нарушилась душераздирающим воплем, который напоминал вой пожарной машины и разносился далеко по округе:

– Сашка, ирод! Наших курей би-и-и-ю-ють!!!

Кричавшая из окна дома справная и холеная тетка Варвара, «совершенно случайно» увидевшая трагическую картину, напоминала своему мужу, копавшему в этот момент картошку, что он обязан следить за хозяйством.

Подвластный бабьему каблуку Александр, в одиночестве рывший необозримую плантацию, уже давно вслушивался в праздничный галдеж у соседей и истекал слюной, не зная, как перебраться через забор и попасть на банкет. Но чуткий

глаз Варвары, постоянно следящий за мужем из-за шторы, не допускал этого.

Чертыхаясь про себя на больную жену, которой еще позавчера что-то «стукнуло» в поясницу, на примелькавшуюся картошку, которую ему не перекопать до белых мух, на проклятушую жизнь, Шурик уныло загребал копалкой в поисках злосчастных клубней. А тут такой неожиданный случай – сама судьба преподносит ему подарок!

Хозяин кур быстро перебегает через копанину и удивительно проворно, по-заячьи перепрыгивает через забор, натываясь на провинившуюся компанию, в немом оцепенении ожидающую дальнейших событий.

Васька пытается что-то объяснить, но вездесущая Клава опережает и, не дав сказать и единого слова, тянет «обиженного» за стол.

Чудодейственная сила граненого стакана, наполненного до краев, мгновенно разрешает все вопросы: Шурик уничтожает предложенное в несколько глотков, удовлетворенно крякает и, уже улыбаясь, тянет руку за соленым огурцом.

– Черт с ней, с курицей – не будет бегать где попало! – говорит он и заблестевшими глазками указывает на опустевшую посудину, тем самым давая понять, что неплохо было бы «вмазать» еще, пока не поздно.

Вслушиваясь в крики соседки, которая, не переставая, поминает недобрым словом и своего мужа-козла, и надоевшую Клавку, угрожает жестокой расправой, вплоть до «расправы

с органами внутренних дел», Егорка наливает стакан вновь и просит соседа выпить с ним вдогонку.

Александра не надо уговаривать: он поднимает тост за удачную охоту и уже заплетающимся языком грозит:

– Сейчас пойду со своей квашней разбираться!

Под одобрительные напутствия успокоившихся охотников, почувствовавших, что буря проходит стороной, сосед колесит к забору, на ходу выкрикивая угрозы в адрес разбушевавшейся жены. Почему-то вдруг выросший забор Шурик преодолевает с большим трудом и, грузно перевалившись через него, удачно цепляется воротом своей рабочей куртки за торчащую штакетину. Не в состоянии освободиться самостоятельно, он зависает в вертикальном положении, болтает в воздухе ногами и неизвестно кого умоляет отпустить его...

...Васька не дожидается окончания вечеринки и уводит за собой развеселившуюся Ольгу. Она просит остаться еще ненадолго, но упрямое «нет» действует отрезвляюще.

Уже дома Васька еще раз проверяет груз, сверяется по блокнотику и, удовлетворенно хмыкнув, присаживается на крыльцо.

Закурив, смотрит на Ольгу, которая зашла в вольеру к Волге и что-то шепчет ей на ухо, ласково поглаживая по загривку.

Тихий, теплый вечер окутывает поселок: кое-где слышны крики женщин, приманивающих возвращающихся с поля коров, последние комары сонно жужжат в воздухе, уже

не решаясь нападать на людей, а от реки тянет свежестью и прохладой, чем-то напоминающей Ваське об ожидающей его тайге, в которой он окажется уже завтра. Улыбнувшись приятному предчувствию, охотник переводит взгляд на Ольгу, а она присела рядом и обняла его за шею.

– Пойдем в дом? Сегодня надо пораньше лечь и хорошо отдохнуть – завтра тяжелый день! – смотрит Васька в погрустневшие глаза девушки.

– Идем, – соглашается Ольга. – Ты отдыхай, а я, наверное, не смогу уснуть... Не представляю себя в одиночестве, не могу поверить, что завтра тебя уже не будет...

– Что ты, ведь это же не навсегда, время пролетит быстро!

Она вздыхает и идет в дом за ним.

Васька быстро раздевается и, занырнув в «гнездышко любви», растягивается, наслаждаясь долгожданным отдыхом. Голову окутывает невесомый туман, глаза начинают слипаться, ему хочется уснуть.

– Ты скоро? – спрашивает он, вслушиваясь в тихие звуки, доносящиеся из соседней комнаты.

Вместо ответа – легкая поступь босых ног, и в проеме появляется Ольга.

Распущенные волосы стекают на шелковую просвечивающую рубашку, которая оканчивается на крутых изгибах бедер. Сна – как не бывало! Васька тянет навстречу руки...

Промхозовский «газик» подкатил к десяти часам утра. Из открытого кузова выскочили Васькины соседи по участку, Серега и сухощавый невысокий Костя. Оба были явно навеселе, но, несмотря на это, более чем расторопно загрузили в машину сложенные у ворот вещи.

Пока Васька подвязывал на поводок бесившуюся от радости Волгу, Оля закрыла дом на замок и, положив ключ в укромное место – под половичок, с помощью услужливых мужских рук быстро забралась наверх. Шофер включил скорость и, грузно тронувшись с места, помчал вездеход по улице, залихватски выруливая на поворотах, торопясь как можно быстрее доехать до набережной вертолетной площадки, где уже стояла в ожидании штатников оранжевая «восьмерка».

Вокруг нее торопливо вышагивал директор, он отчаянно жестикулировал и что-то доказывал походившему на грузина командиру борта. Тот был явно недоволен заседавшим на пятки руководителем. Шевеля пышными усами, летчик пошоферски остукивал колеса винтокрылой машины.

Увидев подъезжавших, оба устремили взгляды на охотников, по-праздничному булюкающих в кузове.

– Она тоже полетит? – раздраженно спросил пилот, кивком головы показывая на Ольгу.

– Нет. Она провожает, – ответил Васька, понимая, что вопрос относится к нему.

Пока шофер подгонял «газик» к открытой двери вертолета, директор «пилил» поднабравшихся с утра подчиненных, угрожая выговорами и прогулами. Но те, зная, что начальник ругает для виду, молча начали погрузку.

Глядя на мешки, ящики и всевозможные тюки, именуемые охотничьим грузом, который нескончаемым потоком передавался из рук в руки и аккуратно укладывался в салоне, командир опять поменялся в лице и, коверкая слова, заревел:

– Куды столько? Что, вертолет ышак?

Все втихаря смеялись и над ишаком, и над возбужденным Мимино. Мужики знали: никуда он не денется, и уже через десять минут «стрекоза» будет в воздухе.

Толпа из жен, детей, друзей и любопытствующих внимательно смотрела со стороны, ожидая прощальной минуты.

Но вот вещи уложены, и машина отъезжает в сторону. Приняв из Ольгиных рук поводок, на котором, играя, крутится Волга, Васька без труда подсаживает приученную собаку в салон и, накоротко привязав к одному из своих ящиков, выпрыгивает назад, чтобы проститься с Ольгой, готовой вот-вот разрыдаться.

В этот момент происходит совершенно неожиданное событие: Костя не может справиться со своим молодым, но очень здоровым и широкогрудым кобелем Казбеком. Соба-

ка, ни разу не видевшая тайги, пугаясь чрева железной машины, резко дергается и, свалив с ног хмельного хозяина, крепко держащего его за поводок, тащит в сторону реки по грязи и полувывсохшему коровьему помету.

– Стой! Казбек, стоять! – орет Костя, но от резких окриков кобель рвется еще быстрее.

Толпа зевак во главе с директором бросилась следом, стараясь поймать за ноги то вопящего Костю, то беснующегося от испуга кобеля.

Пользуясь суматохой, Васька внимательно посмотрел на Ольгу и вдруг торопливо спросил:

– Полетишь со мной?

Она не сразу поняла, о чем он спрашивает, и лишь хлопала ресницами. Не повторяя дважды, он потянул ее за рукав в вертолет. Быстро освободив место в самом дальнем углу, посадил девушку в полусогнутом положении, а сверху накрыл нетяжелым мешком с вещами, затем спрыгнул на землю и как ни в чем не бывало стал поджидать возвращающуюся процессию. Такая посадка конечно же не могла остаться незамеченной: несколько женщин хитро улыбались, когда запыхавшийся директор спросил:

– А где твоя жена?

– Пошла домой, – как можно спокойнее ответил Васька. – Развела мокроту, а я не люблю прощаться слишком долго.

– Тогда с Богом! – сказал директор и, подсадив улетающих охотников, захлопнул за ними дверь, отрезая от цивили-

лизованного мира.

Лопасты плавно качнулись и медленно потекли по кругу, увеличивая скорость, двигатель громко чихнул и, бухая в глушитель, затарахтел, все быстрее набирая обороты. Рулевой винт засверкал сплошным кругом, со свистом разрезая воздух. Вертолет задрожал всем телом, подчиняясь вибрации вращающихся лопастей. «Восьмерка» грузно оторвала задние колеса и, прокатившись на переднем около двух метров, стремительно пошла на взлет.

Провожающие замахали руками. В иллюминаторах ответно кивали и беззвучно что-то говорили, пока ревущая машина не оказалась над водами лениво протекающей реки. Поднимаясь выше и выше, вертолет пошел на восток.

Как только поселок скрылся из глаз, Костя полез в свою котомку и, достав из нее початую бутылку, весело улыбнулся. Посмотрев на мужиков, щелкнул пальцем по горлу, приглашая к прощальному угощению. Так как никто не отказывался, тут же появились еще горячие домашние пирожки и походные кружки. Даже не стараясь перекричать сплошной гул, охотники жестами и мимикой чистосердечно желали друг другу удачи в охоте.

Дождавшись своей очереди и быстро опорожнив кружку, Васька посмотрел в иллюминатор и по знакомым очертаниям извивавшейся реки понял, что вертолет пролетел довольно приличное расстояние и назад уже не вернется. Тогда он приподнял мешок и помог Ольге выбраться на свет божий.

На какое-то мгновение все опешили от неожиданного явления, показалось, что даже двигатель и тот замолчал. Но потом охотники одобрительно заулыбались и понимающе закивали. Больше всех радовался Костя, ведь это был такой повод для очередного тоста!

Чтобы хоть как-то занять сконфуженную девушку, Васька показал рукой на иллюминатор.

От красоты вида, проплывавшего под бортом вертолета, у Ольги захватило дух. В этот ясный, погожий день картина была особенно чарующей. Покрытые хвойными деревьями сопки, тоненькие жилки ручейков, голубые глаза озер, бесцветные русла больших рек, на дне которых был виден любой камень, лежали как на ладони. Люди, лодки и изредка попадающиеся на желтых дорогах машины казались игрушками и куклами, которыми двигают какие-то неведомые силы. Насколько хватало глаз, до самого горизонта простирались зубчатые горы, а в восточной стороне стояли частые пики, уже побелевшие от первоснежья.

Сверху было видно все, от порхающих в редколесье стаяк дроздов и скучковавшихся рябчиков до мелких следов копытных, оставленных на прибрежных глиняных и песчаных отмелях таежных озер. Васька старался все объяснить и показать Ольге, но она только пожимала плечами, улыбаясь в ответ.

Внезапно ее улыбка переросла в немой вопрос: под ними появилось огромное желтое пятно вырубленной тайги.

– Леспромхоз, – прокричал Васька ей на ухо, объясняя происхождение неприглядной картины человеческого варварства, нанесшего природе невосполнимый урон.

В огромной долине, простиравшейся на добрый десяток километров, не осталось ни единого деревца, кроме редких и корявых чапыжин, – одна высохшая трава, забившая все. Языки лесосек подкатились к крутым склонам белогорья и, остановившись у недоступных мест, казалось, замерли в своем ожидании перед страшным прыжком, все еще надеясь поглотить гордо стоящие кедры и пихты.

То тут, то там чернели огромные штабеля гниющих стволов, не вывезенных своевременно и оставленных на произвол судьбы. Зачем все это сделано, для чего и почему? Ольга хотела спросить об этом у Васьки, но ей мешал гул. Может быть, и хорошо, что мешал, потому что он тоже не знал ответа. И каждый раз, пролетая здесь, лишь отводил взгляд в сторону.

Чем дальше летел вертолет, тем больше и выше становились горы, а вскоре и вообще сравнялись с несущейся машиной. Мимо проплывали вершинки гольцов и низкорослые, коренастые деревца – свидетели постоянных ветров, хозяйничавших на этой высоте.

Перевалив водораздел, «стрекоза» убавила обороты и, огибая неприступные стены, падающие в реку, пошла над руслом, повторяя все извилины и очень быстро приближаясь к огромному, туполобому белку.

От неожиданно возникших рядом древних кедров, пролетавших мимо в каких-то двадцати – тридцати метрах, Ольга отпрянула от иллюминатора и испуганно посмотрела на Ваську. Тот прокричал ей на ухо, успокаивая:

– Сейчас будем садиться и высаживать Костю!

Как будто в доказательство его слов вертолет приглушил свой рев и, проваливаясь в яму, замедлил полет. Стволы деревьев расступились, освободив место большой поляне, посредине которой блесло озерко с находившейся на берегу охотничьей избушкой.

Колеса коснулись земли, и в открывшуюся дверь вместе с пьяным хозяином полетели мешки, ящики. Вращающиеся лопасти и работающий двигатель подгоняли и без того быстро проходившую разгрузку. Через три минуты дверь салона опять закрылась; пилоты добавили оборотов, и несколько облегченная «вертушка» вновь взмыла в воздух, качая макушки близстоящих деревьев.

Оставшийся Костя махал вслед рукой, грозил кулаком разбежавшимся собакам и, не в силах стоять на ногах, упал на землю рядом со своим скарбом.

А уходящий вертолет, в несколько секунд пролетевший над тремя небольшими озерами, заполненными черной водой, пошел дальше.

– Сейчас наша очередь – готовься! – вновь прокричал Васька на ухо Ольге и принялся подготавливать свои вещи.

Через каких-то пять минут «восьмерка» вновь пошла на

снижение и, замедлив полет между высоток, зависла над большой площадкой-аэродромом и, не задерживаясь, бухнулась на землю. Снова полетели вещи, вместе с поводком выскочила Волга, а за ней на подставленные и поддерживающие руки – Ольга.

Округлившись глаза командира, наблюдавшего за разгрузкой из окна кабины, изумленно захлопали черными ресницами. Он покачал головой, но одобрительно улыбнулся, показал большой палец и, махнув на прощание рукой, дал команду на взлет.

Поднявшаяся машина качнула оранжевыми боками и, опасно «клюя» носом, нырнула вниз по круто спускавшемуся ложку. Завернув за горку, скрылась из глаз, оставляя молодым людям оглушительную, звенящую в ушах тишину.

– Вот мы и дома! – воскликнул Васька, с улыбкой посмотрев на Ольгу, которая стояла рядом в каком-то немом оцепенении, не зная, что предпринимать: то ли прыгать от радости и кричать на всю округу, то ли показаться серьезной и важной.

Но все же, не сдержавшись, она дала волю эмоциям и, бросившись Ваське на шею, принялась его целовать. От неожиданности он не удержался на ногах – они вместе упали на землю и, подчиняясь настроению, засмеялись от переполнявшей их радости.

Рядом, громко лая и прыгая, бесилась Волга, выражая свой восторг от долгожданной свободы.

– Мне все еще не верится! Это сон, чудесный сон! Так не бывает в настоящей жизни! Это какая-то сказка – очутиться с тобой на краю света! – быстро, скороговоркой говорила Ольга.

– Это не сказка – это быль! – отвечал он. – Не хотел я тебя брать – сама напросилась! Не пожалеть бы!

– Не пожалею! Ни за что!

– Если ты в этом уверена, то это уже хорошо! Но для полного счастья – ты должна меня слушаться! Потому что это тайга, а не улица! Во всем, всегда и везде – даже если и буду не прав! Хорошо?

Она утвердительно кивнула головой и по-пионерски с улыбкой отчеканила:

– Всегда готова!

Базовая избушка Васьки находилась на большом прилавке круто спускающейся горы, отходившей небольшим отрогом от водораздельной площади, тянувшейся с востока на запад и делившей вершинки притоков двух больших рек Восточного Саяна, бравших истоки своих вод из-под безлесых белогорий.

Огромная поляна, длинным языком тянувшаяся по прилавку, создавала благоприятные условия для вертолетной площадки, и, чтобы «восьмерка» садилась без каких-либо проблем, охотнику пришлось спилить всего лишь три кедра, мешавших взлету-посадке, но и эти стволы старых гигантов

не остались догнивать на земле, а были пущены в дело. Обширный навес, пристроенный к зимовью, был из кедровых досок – хозяин собирался прочно обосноваться в этих местах.

Бревенчатое зимовье, служившее домом в этом суровом и холодном краю, дающее тепло и уют в долгие осенне-зимние вечера, стояло с западной стороны аэродрома. Рядом протекал ключ. По промысловым меркам, изба была достаточно большой, чтобы дать кров двум людям, и вмещала все необходимое для быта: широкие нары, два стола, длинную жестяную печку-экономку, всевозможные полочки, тянущиеся по всей длине стен, различные приспособления из проволоки и палок для просушки одежды.

Большое окно с двойными стеклами, аккуратно врезанными в проструганную раму, выходило на север, открывая красоту тайги.

Практически все, начиная с пола и кончая столом, было взято рубанком и за долгие годы пользования отшлифовалось, напоминая искусственную полировку.

Домотканый половичок лежал по всей длине пола от порога до нар. Когда-то перемытая и перевернутая посуда занимала свое место на полочке и была нетронутой. А закрытая на загнутый гвоздь дверь говорила о том, что за время отсутствия охотника в жилище никого не было.

У избышки под навесом – просторные сени, хранящие габаритный охотничий инвентарь и оставшуюся с прошлой зи-

мы пленницу кедровых дров.

В десяти метрах от жилья, на трех вековых кедрах громоздился продуктовый лабаз, сохранявший запасы продуктов от мелких хищников и грызунов. Но для более крупного зверя – россомахи или медведя, взять штурмом треугольный шалаш не составляет особого труда. Васька просто надеялся на Бога и на то, что все обойдется благополучно.

Картина была бы неполной, если не упомянуть о небольшой бревенчатой баньке, стоявшей в каких-то пятидесяти метрах ниже, у чистейшего родника, постоянно пульсирующего из недр земли.

Поляну окружала плотная темнохвойная тайга, стеной подступавшая к жилью человека и состоявшая из двух основных видов деревьев – вековых кедров и разлапистых пихт. Стоило сделать пару десятков шагов – и можно без труда раствориться в чаще, не оставив не знающему тайги человеку никаких шансов на какие-либо розыски.

Перешагнув порог избушки, Ольга некоторое время осматривалась и наконец удовлетворенно вздохнула. На вопрос «Как жилище?» ответила просто и беззаботно:

– С милым и в шалаше рай!

Эта фраза еще ни о чем не говорила, так как девушка даже не представляла своей дальнейшей жизни в этом новом, но желанном для нее мире. Пока же она восхищалась Васькой, который уже второй раз менял ход событий, и, как ей казалось, в лучшую сторону.

Солнце ненадолго застыло над зубчатой линией горизонта, даря молчаливой тайге прощальный взгляд. Макушки кудрявых кедров, сплошь усыпанных коричневыми шишками, недвижимо смотрели на падающее светило, отражая на себе алый свет и ежеминутно удлиняя свои тени по всей длине поляны. Вечернюю тишину нарушали лишь преуспевающие кедровки, которые неугомонно шныряли по веткам с прекраснейшим урожаем. Они не переставали ни на минуту долбить плоды своим вороньим клювом, периодически перекликаясь с многотысячной армией собратьев, завоевавших просторы тайги.

Прогретый за день теплый воздух неподвижно стоял на месте, впитав в себя всевозможные запахи, свойственные только этому раннесентябрьскому времени. Тайга пахла высушенной травой, семенами маральего корня, смолой хвойных деревьев, кедровыми шишками, ручейком и дымом от горевшего рядом с избушкой большого костра.

Непередаваемый таежный дух кружил голову. Волновал душу открывавшийся от избушки красивейший вид: далекое безлесое белогорье с находившимися на нем остроκлинными вершинами, застывшая в волнении гористая тайга, сплошь заросшая вековыми деревьями. От всего этого Ольге хотелось петь, кричать, прыгать и вообще делать невообразимые вещи.

Она вдыхала дурманящий воздух всей грудью и, закрыв

глаза от удовольствия, чему-то улыбалась. Такой прекрасной Васька запомнил ее навсегда.

Она стояла боком к нему на фоне солнца, по-кошачьи изогнув гибкую талию и соблазнительно выдвинув вперед голубиную грудь.

Голова была слегка запрокинута назад, плавные линии спокойного лица отчетливо вырисовывались на фоне чистого неба, едва колыхалось воронье крыло волос, спускавшихся ниже лопаток. Сплетя на затылке пальцы, Ольга покачивалась всем телом взад-вперед и нараспев шептала тихим голосом:

– Как хорошо-о-о!

– Как хороша-а-а! – повторил Васька.

Она искоса посмотрела на него, покачала головой и не сдержала своих эмоций. Набрав воздуха, она пронзительно и звонко закричала:

– Лю-ю-ди!!! Гд-е-е вы-ы-ы?

Не успело заглухнуть эхо, как на соседних горках визгливо, по-кошачьи отозвался марал: он принял ее голос за голос соперника.

– Что это? – испуганно спросила девушка.

– Не что, а кто! – поправил Вася. – Самый красивый и грациозный зверь нашей тайги! Быстроногий и чуткий марал!

– А почему он кричит?

– Вызывает тебя на бой!

– Меня?! Он что, сейчас прибежит сюда драться?! – как

можно тише проговорила Оля.

– Не бойся! – успокаивающе ответил он. – Сейчас не прибежит! Да и к тому же я с тобой!

Приблизившись к ней, Васька обнял ее за плечи и, меняя тему, кивнул головой на закипевший чайник:

– Давай будем ужинать! Чайник зовет!

Они расположились у костра. Пробуя ароматный золотистый чай с терпко-кислым вкусом смородины, Оля верила и не верила в происходившее. За какой-то час, преодолев более двухсот километров, она очутилась совершенно в другом мире, мире дикой природы. И с кем? С любимым человеком, которому она верила, как никому и никогда. С тем, кто перевернул ее жизнь до основания, кто протянул надежную руку помощи.

В этот момент она гордилась им и благодарила судьбу за бесценный подарок. Преданно улыбаясь, Оля поглядывала на сидевшего у костра Василия и думала: «Как же мало надо человеку для счастья – просто быть рядом!»

Когда она проснулась, Васьки уже не было, а сквозь бревенчатые стены избышки едва доносилось далекое жужжание работающей пилы. С удовольствием потянувшись на мягких ватных матрасах, разложенных поверх деревянных нар, девушка сладко «мяукнула» и, улыбнувшись счастливой улыбкой, села, опустив ноги на пол. В поисках одежды покрутила головой и сразу увидела рабочее обмундирование, приготовленное Васькой. Белоснежные кроссовки, джинсы и парадно-выходную ветровку, в которых она вчера прилетела, заменили простые поношенные штаны, мужская рубаша и куртка. Прежде эти вещи служили охотнику заменой и теперь пригодились как никогда.

Одеваясь, Ольга посмотрела в квадрат зеркала и едва не расхохоталась: висевшая мешком рубаша была явно не для ее плеч. Пришлось закатать свисавшие рукава и потуже натянуть поясной ремень. Хуже было с сапогами: нога болталась, а голенища доходили до колен. Вздохнув, девушка обулась в кроссовки.

Давно взошедшее солнце весело играло золотистыми лучами в безоблачном небе и прогревало остывший за ночь воздух. Потухший костерок, на котором Васька вскипятит бодрящего «купчика» перед началом первого трудового дня, еще дымился вьющимся куржаком.

Васька не заметил подошедшей сзади Ольги, но после ее легкого прикосновения к плечу заулыбался. Сразу же заглушив «Дружбу», он поставил ее на землю.

– Доброе утро! Ты так сладко спала, что я не стал тебя будить.

– А что делать мне?

– Иди пока разогревай завтрак да поставь чайник. А я еще пару чурок отпилю!

Пила весело отрезала от ствола старого кедра равномерные кругляки, терпко пахнувшие смолой. Васька изредка бросал косые взгляды в сторону удалившейся Ольги. Прошло пять, десять, пятнадцать минут, а голубой дымок так и не появился. Усмехнувшись про себя, Васька вновь заглушил пилу и неторопливо пошел на помощь.

Ольга сидела на корточках перед наложенными на кострище поленьями и со слезами на глазах изводила уже второй коробок спичек. Она виновато улыбнулась, продолжая безнадежное дело. Васька весело заговорил о чем-то другом, но в то же время не торопясь, показательно натесал топориком тоненьких щепочек, сложил их на кострище, взял спичку, которой подкурил сигаретку и зажег пучок быстро воспламенившихся щепок. Позднее стал подкладывать тонкие поленья, потом потолще. Через минуту пламя добралось до днищ висевших над огнем чайника с родниковой водой и котелка с немудреной охотничьей едой.

Первый, но очень важный урок охотничьей жизни был по-

нят Ольгой сразу. В обед она разводила костер сама. Неумело натюкав «неудобным» топором разнокалиберные щепки, подожгла их, на что потребовалось всего шесть спичек.

Васька оказался неплохим преподавателем: рассказывая про тонкости охотничьей жизни в тайге, теорию всегда подкреплял практикой, делая это ненавязчиво, как бы невзначай и с шутками. Да и Ольга оказалась на редкость понятливой ученицей, осваивая на лету необходимые знания. Всю работу, хотя и колом-ломом, девушка выполняла с первого раза и не стеснялась спрашивать о том, чего не знала. Видя это, Васька улыбался, изредка бросая скупые, но такие нужные Ольге слова одобрения.

Так как уже через месяц начинался промысловый сезон на соболя и предстояли разлуки с ночевками по разным избушкам, то с первых же дней Васька стал знакомить девушку с азами ориентировки на местности. И начал с самого простого.

Перед обедом попросил сходить Ольгу за водой к роднику, находившемся в ста пятидесяти метрах от зимовья. Ориентирами предстоящего пути наметил две довольно заметные и стоящие друг за другом кедрушки. При этом он умышленно не рассказал о существовании натопанной тропинки. И пока Оля не спеша шла к воде, придерживаясь намеченного маршрута, а затем возвращалась назад, он наблюдал за ней, скрываясь в густом подлеске.

Первый одиночный поход оказался удачным – обратно

она шла уже по тропинке, натопанной Васькиными ногами за долгие годы охоты. Не заметив подвоха, спросила у него совсем о другом:

– А какой породы здесь черные орлы?

Удивленно приподняв брови, охотник непонимающе заморгал глазами, а после ее короткого рассказа едва сдержался от смеха. Он понял, что речь идет о глухаре. Оказывается, когда она набирала воду, то краем глаза заметила чей-то взгляд. Посмотрев по сторонам, увидела большую черную птицу с красными бровями, походившую головой и изогнутым клювом на орла со школьной картинки.

Глухарь спокойно кормился орехом. Идущую за водой Ольгу, брякающую металлическими посудинами, он заметил издали и, забежав за толстый ствол кедра, выглядывал оттуда, вытянув длинную шею.

Но человек обратил на него внимание. Не выдержав пристального взгляда, глухарь заволновался и бросился наутек, плавно обруливая стоявшие на пути стволы деревьев.

Ничуть не испугавшись, Ольга с интересом наблюдала за «орлом» до тех пор, пока он не скрылся из глаз. Подхватив котелки, она заторопилась назад, чтобы быстрее поделиться с Васькой увиденным. Тот же не придавал этому значения и лишь улыбнулся. Он объяснил, кого она увидела, а в заключение добавил:

– Подожди, еще не то увидишь!

Одним из самых важных и необходимых предметов жиз-

ни в тайге, по Васькиному соображению, является хорошее владение оружием и пусть не отличная, но сносная стрельба. Поэтому в первую очередь он стал учить Ольгу тому, как надо обращаться с ружьем. Нарисовав на тетрадных листочках несколько мишеней, развешал их на различном расстоянии. Понятливая девушка с ходу запомнила, где у «Белки» курок, где рычаг перелома, где переводчик и спуск. Зарядив малокалиберный патрон, она взвела курок и, недолго выцеливая, выстрелила. Пуля попала прямо в черный кружок ближней мишени.

Васька удивился, но она объяснила:

– Я еще в школе научилась хорошо стрелять из «воздушки»!

– А еще прибедняешься! – возмущенно проговорил он, однако добавил: – Все равно надо пострелять. Воздушка воздушкой, а тозовка совсем другое дело! Стреляй по самой дальней мишени!

На этом расстоянии получилось хуже: первая пулька попала только в «молоко», но с последующими выстрелами все точнее и точнее приближалась к центру. Васька сидел рядом на чурке, курил и, поглядывая на новоявленную охотницу, не узнавал подругу. Движения рук становились увереннее и тверже, глаз – острее. Вливаясь в мир таежной жизни, она преображалась с каждым часом. Васька знал, что так бывает со всеми в первые дни, но что будет к концу сезона? Как она воспримет предстоящий процесс охоты? Да и воспримет ли

вообще?

После стрельбы он довольно улыбнулся и заключил:

– Вот с этим ружьем и будешь ходить по тайге! Старайся, чтобы оно всегда было под рукой. Тайга – не поселок! Слушай бывают разные и очень неожиданные, а если честно, то и опасные. «Белка» всегда поможет – или добыть, или отпугнуть... И раз мы с тобой взялись за стрельбу, то давай попробуй хлопнуть и из карабина...

Вечером Васька подключил рацию, настроил на нужную волну, вышел на связь с промхозом и отчитался о готовности к промыслу. Когда положенные формальности были соблюдены, попросил диспетчера передать Клавке о сегодняшних переговорах как можно скорее.

– У Клавки «Ангара» дома стоит, – объяснял он Ольге. – Она все новости знает, как связная радистка. Попросим, чтобы за домом приглядела...

Не прошло и часа, как в динамике раздался знакомый голос соседки.

Даже не поприветствовав, Клавка преувеличенно заохала, жалея девушку:

– Да куда же ты ее, голубушку, увез из дома-то? Да медведям на съедение, да на морозе замерзнет, да не дай бог ногу сломает, да...

– Хватит каркать! – перебивает Васька. – Ничего с ней не случится. Она не первая и не последняя – есть женщины,

которые в штатницах уже по двадцать лет ходят!

– Так то староверки! Они всю жизнь в тайге прожили, а Оленька совсем недавно из города – тяжело ей будет! – опять встречается в эфир Клавка, но он настойчиво перебивает ее:

– Ты лучше скажи – за домом посмотришь?

– Не сомневайся, все будет хорошо! Никто к воротам не подойдет! Если уж я взялась сторожить – будь спокоен. Кирпич у меня всегда в сумке...

– Ну, спасибо, заранее благодарен. После тайги рассчита- емся, – и, не дожидаясь, пока Клавка начнет рассказывать де- ревенские новости, щелкает тумблером, закончив сеанс свя- зи.

– Вот еще одну проблему решили! На душе поспокойней, когда в деревне есть такой сторож! – заверил Васька. – Те- перь надо сходить на вторую избу, посмотреть, цела ли. Да хоть немного продуктов унести... Ты пойдешь?

Ольга, казалось, того и ждала и с радостью согласилась:

– С тобой – хоть на край света!

Что значит унести немного продуктов, Оля поняла на сле- дующий день утром, когда пронесла около километра крош- ни с наложенными и увязанными в них сухарями. Пока пу- тик шел вниз по логу, вдоль ручья, идти было гораздо лег- че, чем в гору, однако она уже успела почувствовать груз, от которого начинало давить брезентовыми лямками плечи, и стала отставать от Васьки.

Глядя на его объемистую котомку, раза в три превышавшую по весу ее мешочек, девушка поражалась его выносливости. На первом же привале – через полчаса – она попробовала приподнять его ношу – это безнадежное дело не удалось.

– Тяжело? Устала? Как ноги? Как плечи? – засыпал Васька подругу коротенькими вопросами. Она тяжело дышала, вытирала со лба мелкие капельки пота, но не сдавалась:

– Все нормально – идти можно!

– Тогда идем дальше? – спрашивал он, тяжело приподнимался с земли, треща всеми суставами на жилистых ногах, помогал приподняться ей и, поправив на груди неизменный СКС, не торопясь шел дальше.

Васька все ждал, когда она скажет: «Я устала. Больше не могу». Но Ольга упрямо шла за ним и останавливалась на коротенький отдых только тогда, когда хотел он.

Гремевшая в логу таежная река в эти сентябрьские дни была наиболее маловодной, но в том месте, куда они вышли, перейти ее было очень трудно. Быстрое течение, глубина и скользкие, обкатанные водой камни создавали непреодолимое препятствие. Несколько лет назад Васька спилил огромный кедр, который связал берега и стал надежной переправой. Ствол выдерживал натиск мутного потока даже в весеннее половодье.

Осторожно ступая по круглому бревну, Васька перенес на противоположный берег свой груз и вернулся за Ольгиным.

Ей самой он помочь не мог: это препятствие надо было преодолевать поодиночке.

Решив не испытывать судьбу, нисколько не стесняясь, она бухнулась на четвереньки и ловко, как первобытный человек, переползла вслед за ним. «Эта охотница не пропадет в тайге», – отметил Васька.

Сразу за переправой тропа уходила круто вверх. Несмотря на хорошо натоптанную маралами дорогу, теперь они шли намного медленнее, сокращая время и расстояние между привалами. Горячий пот пропитал одежду Ольги, капельки собирались в небольшую дорожку и неприятно стекали по телу.

Оглядываясь на раскрасневшуюся Ольгу, Васька замедлял ход и предлагал передохнуть. Он уже досадовал, что взял ее с собой, и в то же время утешался мыслью, что все равно когда-то надо начинать ходить.

Остановившись на очередном привале, Ольга спросила:
– Неужели тебе не тяжело? Ты выглядишь как огурчик – даже не потеешь! Несешь котомку так, будто ее и нет!

Васька усмехнулся:

– Почему же не тяжело? Еще как тяжело! Просто с годами вырабатывается привычка и выносливость!

Меняя тему разговора, он посмотрел на безоблачное небо:
– Какая хорошая погода! Постояла бы еще с недельку – хоть продукты перетаскать да зверя добыть! А то не дай Бог снег навалит – не возрадуешься!

– Снег?! В такое-то время, в сентябре?!

– Выпадет! Да еще какой!

Подходя к избушке, Ольга затуманенными глазами смотрела на окружающий мир и уже ничего не замечала, кроме его спины. Однако ничем не выдавала своей слабости и усталости.

– Вот и пришли! – как-то торжественно объявил он, искоса посмотрев на часы: вместо положенных трех часов они шли в два раза дольше. В зимовье его ожидал малоприятный сюрприз: в окно залезла пакостница росомаха и оставила свой порядок.

– Ах ты, милая моя Машенька! Как я тебя ждал, но ты пришла без меня! – почти ласково, с напевом заговорил он. – Но я был готов к твоему посещению, и поэтому ты не застала меня врасплох!

После полученного когда-то урока Васька укладывал оставшиеся после сезона продукты в жестяные бочонки, недоступные для когтей и зубов хищника. Разбитое окно, разорванное по лоскуткам одеяло, изгрызенные ложки, кружки и чашки не считались слишком большой потерей. Главное – целы продукты.

Приняв Васькины слова за чистую монету, Ольга ревниво спросила:

– Кто это такая Машенька?

– Да есть у меня тут любимая подруга, верная помощница в разбоях!

Все еще ничего не понимая, она замолчала и отвернулась. Ваське пришлось объяснять, что Машка не девица-красавица.

После обеда Ольга блаженно растянулась на солнышке, а он, пыхтя сигареткой, скосил глаза на часы:

– Ты здесь обживайся, а я пробежусь по подбелочью – посмотрю, есть или нет олени.

Она посмотрела на него округлившимися глазами:

– Ты еще не устал? Не ходи – скоро вечер, давай лучше отдохнем!

Ей явно не хотелось отпускать его, не столько из-за боязни остаться одной, сколько из-за жалости. Но он только усмехнулся:

– Отдыхать будем на том свете. А до темноты можно еще три белка обежать!

Ольга покорно промолчала, наблюдая, как он ловко увязал в котомку топор, проверочно клацнул затвором карабина и, повернув флажок предохранителя, привычно закинул СКС за спину. Улыбнувшись, подмигнул и в три секунды скрылся между деревьями.

Вечер вступил в свои права и после закатившегося за горизонт солнца заблестел первыми звездами. Воздух посвежел холодной влагой, тянувшей откуда-то сверху, предсказывая еще один солнечный день бабьего лета.

В избушке потемнело, Ольга зажгла керосиновую лампу

и, усевшись на краешек нар, молча ждала торопливых шагов Васьки. Он появился так же неожиданно, как и ушел: уже в сенях затопотал ногами, повесил на стену карабин и резко, беззвучно открыл дверь.

Мрачное лицо посветлело при виде улыбающейся Ольги.

– Я тебе воды нагрела, будешь мыться? – суетливо накрывая на стол, спросила она.

– Конечно! – обрадованно отозвался Васька, скидывая одежду, одновременно докладывая о своих похождениях. – Дела плохи! Ни одного зверя не видел, хотя старые следы есть. Не пойму, почему оленей нет? Погода хорошая. Сейчас самый разгар гона, все рогачи должны быть на гольцах... Кажется, я обещал сводить тебя на белок? Пойдешь завтра со мной? Как ты? Не устала сегодня?

Ольга с готовностью согласилась:

– Конечно, пойду! И нисколько не устала – все нормально!

Внимательно осматривая подбелочные луга, Васька раздраженно хмыкал себе под нос:

– Что-то здесь не то!

Вот уже несколько часов они шли к вершине, поднимаясь все выше и выше, медленно приближаясь к покатой макушке горы, на которой красовалась невысокая деревянная пирамида – ориентир в геодезических съемках.

Высокоствольные деревья, завалы и чащоба сменились низкорослыми толстыми кедрами, заросшими сучками так плотно, что добраться даже до четырехметровой вершинки было совсем непросто. Колодник и кустарник заменили обширные альпийские луга, лишь изредка уступая небольшие пяточки земли хвойным деревьям, которые цепко ухватились корнями за каменистую почву и стойко выдерживали натиск ураганных ветров. Ближе к вершине таежная растительность вообще прекращала свое существование, освобождая жизненное пространство лишь самым стойким кустарникам: карликовой березе, кашкаре и шикше. Осознав бессмысленность освоения недоступного плоскогорья, замерла далеко внизу подкрадывающаяся к пику граница тайги. За долгие тысячелетия, сама того не ведая, тайга подсказывала человеку отметку в полторы тысячи метров над уровнем моря.

Траву постепенно сменяли обширные плантации белогрязного ягеля – любимого лакомства сокжоя. Пуховой периной разросся ягель по всей туполобой плоскости овально-го белка.

Чтобы застать оленей на утренней кормежке, Васька разбудил Ольгу задолго до рассвета, и еще в сумерках они вышли к вершине. По верным расчетам охотившегося здесь Васьки, подошли вовремя, но тщательный осмотр обширных пастбищ не дал результатов – зверя не было!

Встававшее из-за белогорья утреннее солнце оправдывало вчерашние надежды, предвещая прекрасную безоблачную погоду, так редко выдающуюся в этих горных краях. Атмосферный воздух, согреваемый лучами небесного светила, расширялся и начинал двигаться, создавая небольшой ветерок и сопутствуя продвижению молодых людей, идущих с подветренной стороны. Он далеко относил все запахи и негромкий шум шагов, создавая благоприятные условия для скрада. Но пока скрадывать было некого, и поэтому они шли безбоязненно, не таясь, все ближе и ближе приближая наметенную цель – долгожданную и многообещающую вершину.

Многочисленные следы-чашки, оставленные парнокопытными животными на глине около небольших водяных луж, на набитых тропинках и даже на мягких подушках мха, говорили о том, что олени здесь были и кормились, хотя это было несколько дней назад.

Оглядывая знакомые места прищуром опытных охотни-

чьих глаз, Васька недоуменно пожимал плечами и взмахом руки призывал Ольгу следовать за ним. Они постепенно поднимались в гору все выше и через полчаса достигли вершины с определяющим самую высокую точку небольшим, в рост человека, пирамидальным маяком.

Представшая картина произвела на девушку такое сильное впечатление, что она восхищенно ахнула:

– Вот это да!

Вокруг, насколько хватал глаз, поднимались нескончаемые пики зубчатых белков, круто вздымавших свои вершины в чистое небо. Голубая дымка подкрашивала самые далекие из них, создавая особую красоту, которая не поддавалась никакому описанию. Неоглядный простор зеленой массы тайги, раскинувшейся под ногами, заканчивался лишь у линии горизонта. Все это порождало ощущение какого-то душевного подъема, полета, свободы и простора.

Дикий мир Восточно-Саянских гор открылся во всей красе, выдавая тайны своих кладовых, в которых веками хранились сокровенные запасы от пушисто-мягкого соболя до чудодейственного целителя марала-пантача.

Куда ни бросала взгляд Ольга – везде нескончаемая тайга. Не было даже намека на существование цивилизованного человеческого общества, каким-то чудом не добравшегося до этих краев, не нарушившего скрытую жизнь таежных обитателей, освоивших эти земли тысячелетия назад и живущих по принципу естественного отбора, где выживал только

самый сильный и самый хитрый.

Васька тоже был на вершине блаженства, радовался настроению Ольги, сияющей от восторга. И хотя за долгие годы промысла он любовался этим не раз и, кажется, должен уже привыкнуть, однако каждый раз его охватывало то же чувство, во власти которого находилась сейчас Ольга.

Он улыбался, вдыхал дым от сигареты и неторопливо отвечал на ее многочисленные вопросы, не имевшие никакой последовательности. А она не переставала удивляться его всезнанию. Казалось, что не было ни одного вопроса, на который бы Васька не знал ответа.

Продляя невидимую линию, она, как по карте, водила пальцем по истокам ручейков, собирающихся в шумные порожистые реки, текущие куда-то на запад, потом переводила взгляд на водораздельные хребты и белогорья и, наконец, найдя самый дальний, самый высокий заснеженный гонец, лукаво, с хитринкой спросила:

– А как называется вон та гора?

Он помолчал и с чувством какого-то особого вдохновения ответил:

– Грандиозный! Самый высокий из всех гольцов в округе, самый большой по объему и, конечно же, самый красивый! Это о нем писал Федосеев. Он там же и похоронен – навеки сроднился с духом этих гор...

– Федосеев? Кто это?

– Писатель-первопроходец. На мой взгляд, один из луч-

ших сибирских писателей. И немудрено, что ты его не знаешь, ведь его книги для узкого круга людей: для геологов, любителей природы, охотников... Да и печатали его мало – все книги нарасхват. И написал немного за свою жизнь, но зато как!!! Все о тайге... Если есть желание – почитаешь. Дома у нас есть все книги начиная от «Восточного Саяна».

Разговаривая, он не забывал наблюдать за окрестностями, выискивая знакомые бело-грязные точки, которые могли оказаться сокжоями. Прикладывая к глазам окуляры бинокля, Васька подолгу задерживал взгляд на наиболее подозрительных местах, просматривая ложки круто спускавшихся ручейков и неподвижные плешины каменных курумов. Напрягая слух, он уже давно слышал какой-то посторонний звук, гулявший по белкам. Звук то затихал, то нарастал. Он не был похож ни на свист ветра, ни на шум далекой реки.

– Самолет летит? – посмотрев на Ваську, спросила Оля.

– Да вроде бы нет – не похоже!

Прошло минут пять. Звук нарастал, пока не превратился в сплошной рокот с характерным режущим посвистом лопастей. Васька сразу же все понял.

– Вертолет? – переспросила она.

– Да, – грустно ответил Васька, – да еще какой!

Нарастающий гул доносился из-за стоящего напротив белка. Вскоре появились три быстро движущиеся точки, которые стремительно метнулись в спасительную тайгу, темной границей кедрача окаймлявшую подбелочье.

Следом за точками возникла темно-зеленая «восьмерка», ястребом зависшая над убегающими от смертельной опасности оленями. Но вертолет летел слишком быстро, мгновенно сравнив скорость с сокжоями. «Стрекоза» пошла параллельно с ними, с борта метнулись огненные стрелы «трассеров», обжигая живые цели.

Сквозь рев двигателя доносился приглушенный треск «та-та-та...». Рикошетившие от камней пули рассыпали звезды метавшихся в разные стороны искр. Обезумевшие олени припустили, стремительно сокращая расстояние до кедрача.

Выстрелы трещали еще и еще, видно, слишком неопытным был стрелок – звери все бежали. Им оставалось добежать не более двухсот метров, когда «молния» настигла одного из оленей. Споткнувшись, он кувырком покатился по склону, отставая от своих собратьев, мчавшихся дальше. А вертолет по инерции пролетел вперед, продолжая обстрел.

Смертельно раненное животное все же нашло силы подняться на ноги. Сильно прихрамывая на правую ногу, сокжой заковылял к овражистому ручью. Медленно и неуклюже дотянул он до пяточка низкорослого кедрача и скрылся под кронами.

Пока «восьмерка» делала крутой разворот после неудачного обстрела, поляна опустела, оставив с носом браконьеров.

Вертолет покружил над предполагаемым местонахож-

дением раненого зверя, выискивая добычу, то зависая над макушками деревьев, то на бреющем полете прочесывая необходимый квадрат. Но, поняв безнадежность поиска, нервно качнулся корпусом из стороны в сторону, грозно рывкнул двигателем, набирая обороты, и стремительно пошел вверх, взяв курс на белок. А на вершине белка стояли Васька и Ольга и, не сходя с места, видели весь процесс «элитной» охоты от начала до конца.

Стремительно приближаясь к макушке, вертолет увеличивался на глазах. Уже можно было различить фигуры двух пилотов в кабине, сосредоточивших свое внимание на очередной зоне поиска. Внезапно увидев людей, летчики застопорили полет: машина свечой взмыла вверх и, показав плоское пузо, завалилась на левый бок. Еще секунда, и «стрекоза» камнем упала в лог. Летчики лихо уводили вертолет от внезапных свидетелей браконьерства, на огромной скорости повторяя резкие повороты извилистого подбелочного ущелья. Рассекая воздух свистящим кругом серебристых лопастей, машина мгновенно скрылась из глаз, не показав бортовых номеров и навсегда оставшись неузнанной.

Сразу же наступила тишина, и даже не верилось, что минуту назад здесь буйствовала вседозволенность и безнаказанность избранных людей.

Некоторое время молодые люди молчали, осмысливая увиденное. Потом, как будто опомнившись, Ольга спросила:
– И часто такое бывает?

– Не знаю... – задумчиво ответил Васька. – Такую картину я вижу впервые, хотя вертолеты над белками летают часто... Ну откуда на белогорьях будут стоять олени, когда их здесь гоняют и пугают, да еще такими машинами?

– Что будем делать дальше?

– Дальше? Пойдем за мясом! Посмотрим, далеко ли ушел раненый олень, слишком уж тяжело он бежал. Мне кажется, что он где-нибудь да завалится, – добавил Васька и, поправив ремень карабина, начал спуск с белка, помогая идущей следом Ольге.

Мертвая оленуха лежала на небольшом прилавке у самого обрыва, круто срезанного перед шумным ключом. Вытянутые ноги и запрокинутая голова с небольшими веточками рогов говорили о том, что смерть наступила во время движения зверя, уходившего от неминуемой гибели. Свежая, еще не свернувшаяся и не запекавшаяся кровь из двух ран медленными капельками стекала на землю – пуля прошла навылет. Обильно обгаренный путь с места ранения дался очень тяжело. Продираясь через густые переплетения кустарников, мелкую подсаду пихтача-курослепа, спасаясь под разлапистыми ветками от нависающей опасности, оленуха стремилась скрыться от внезапно навалившегося с небес ужаса. Но было слишком поздно: разрушительный выстрел уже сделал свое дело – смерть была неизбежна.

Добирать свою добычу охотнички не стали: слишком кру-

тым и неудобным для посадки был склон горы. Перетаскивать мясо за полтора километра никому не хотелось. Да и какое им дело до того, что одним зверем стало меньше?

– Удачный день! – улыбнулся Васька и, подправляя брусочком лезвие ножа, добавил: – Сегодня мы с мясом, хоть и не сожгли ни одного патрона!

– А если бы мы ее не нашли, что тогда? – спросила Ольга, глядя на лихие движения острого ножа, вспарывающего оленью брюшину.

– Через несколько часов мясо сгорело бы или пропало. В лучшем случае досталось бы воронам, «просто Марии» или медведю.

– Жалко, – с грустью промолвила она, трогая костистые рожки, – такая красота пропадает!

– Сегодня эта красота не пропала даром – все пойдет на дело: и нам на еду, и на прикорм. Вот если бы мы ее не нашли, тогда да...

Помогая ему в работе, придерживая ноги за копыта, переворачивая тушу с одного бока на другой, девушка не противилась грязной обработке туши, все воспринимая как должное и естественное. Рассуждая при этом, она делала выводы:

– Это хорошо, что мы случайно увидели и добрали оленуху... А интересно, сколько вот таких раненых сокжоев ушло от подобных охотничков? Конечно, им просто – убежит олень, ну и ладно, другого найдут... да и процесс охоты слишком прост – успевай нажимать на курок, и патронов не

жалеют так, как ты... Каким словом назвать все то, чем они занимаются?! Слова-то подходящего не найдешь...

Искося поглядывая на Ольгу, Васька лишь усмехался, поражаясь логическому ходу ее мыслей, и как бы невзначай бросил:

– Такое слово есть... Убийство!

Она немного помолчала и в раздумье подтвердила:

– Да, действительно: это не охота – это расстрел...

Когда их котомки были заполнены, Васька аккуратно сложил оставшееся мясо в оленью шкуру, положил под ствол разлапистого кедра, придавил камнями, сучьями и всевозможными корягами, в изобилии валявшимися повсюду:

– Сегодня же вернусь за остатками. До вечера воронье не растащит. А вот если оставить на ночь, то может найти росомаха, да и мыши не побрезгуют свеженинкой.

Взвесив на руке Ольгин груз, который был не более пятнадцати килограммов, спросил:

– Унесешь потихоньку?

– Я скоро носильщиком стану, – улыбнувшись, ответила она. – Свое-то унесу. А вот как ты понесешь?

– Как-нибудь... – присаживаясь под свой «горб», ответил он. – Такая у охотника судьба – всегда что-нибудь нести...

– И зарабатывать букетик болезней: радикулит, остеохондроз, грыжу... А если проще – наживать себе горб!

Он удивился и даже присвистнул от ее осведомленности:

– Откуда ты все это знаешь?

– Сорока на хвосте принесла! И что, ты скажешь, что я не права?

– Почему же – права, да еще как! А что сделаешь, если вырастет горб? – И вновь отшутился: – Горбатого могила исправит!

Из дневника Ольги:

«Нет, здесь явно не курорт!»

За несколько дней жизни в тайге я кое-что начинаю понимать; все красоты окружающего нас мира – ничто без ежедневного (от зари до зари) труда. Чтобы здесь жить и выжить, надо что-то делать, начиная от самого малого – приготовления пищи, заботы о дровах, воде и т. д. Я пока что не говорю о цели нашего пребывания здесь, потому что еще не представляю, что стоит за словом “промысел”. Васька говорит, что это только начало. А начало уже сейчас давит на плечи: то продукты, то мясо, то дрова... И если этого не сделать сейчас, то потом будет еще труднее.

Поражаюсь его работоспособности и выносливости. Встает ни свет ни заря – ложится поздно, и весь день как заводной: набирает гору продуктов, капканов и еще невесть чего и тащит по избушкам, путикам и еще черт знает куда! Говорю ему – отдохни, в ответ смеется: “Отдыхать будем на том свете”. Меня же от непосильной работы ограждает. По путикам не берет – “еще находишься”. Но мне и без того хватает занятий: от бытовых обязанностей начинается кружиться голова. На красоты тайги уже смотрю как

на обычное явление: будто так и надо! Но такая жизнь мне почему-то очень нравится, порой кажется, что я уже здесь жила когда-то и это моя родная стихия.

Со смехом вспоминаю слова эсен охотников, которые отправляют мужей на “курорт отдыхать”. Хотела бы посмотреть на их лица, когда вместо шезлонга и приятных солнечных лучей на них бы надели рабочую “спецуру” с резиновыми сапогами, навешали котомку и повели бы по косограм, колодникам и кустарникам».

Вот уже второй день Ольга собирала падалку – кедровые шишки, в изобилии валявшиеся по всей тайге. Невелик труд: ходи неподалеку да собирай в холщовый мешок зрелые плоды, коричневым ковром рассыпанные под могучими вековыми кедрами. Казалось бы, что проще? Но от коротких переходов от дерева к дереву, бессчетных сгибаний-разгибаний и мешка заныла спина, зарябило в глазах, свинцом затекли ноги. Ладони покрылись черным смоляным клеем, доставляя Ольге особую неприятность: все, к чему бы она ни прикасалась, тут же, как магнитом, прихватывало и не отпускало. Не было места на одежде, куда бы капельки душистой кедровой смолы не добрались. Даже волосы, предмет ее гордости, схватились в липкую массу, когда она по привычке поправила ладонью упавшую на лицо прядку.

С каждым разом приходилось заходить все дальше и дальше. Запоминая обратную дорогу, Ольга ориентировалась по видимым макушкам горок, постепенно становившихся знакомыми и почти родными. Она всегда выходила точно и верно к бревенчатому срубу.

Яркое солнце давно перевалило зенит и ускоренно падало в закат. Васьки все не было – он с утра пошел на путик проверить хатки да покричать марала. Девушка заговорила с сидевшей на привязи собакой:

– Что же это наш хозяин так долго задерживается? Уж не заплутал ли где?

Волга подняла на нее свои умные глаза, безмолвно выражающие явное противоречие: «Ты что, глупая, разве же может хозяин заплутать? Лучше бы спустила меня с поводка – я бы его быстро нашла!»

Но во время зверовки на свободу собаки был наложен запрет: несмотря на Васькины старания приучить Волгу к задержке зверя, она угоняла его от охотника, почему и оставалась при избе в гордом одиночестве, ожидая своего часа.

Ольга вздохнула, оглядываясь, куда бы пойти за орехом. Она с завистью посмотрела на ближайший кедр, сплошь усеянный большими шишками, прикипевшими к веткам. Было бы неплохо приобщить их к общей куче, но Васька строго-настрого запретил ей лазить по деревьям. Да и, честно сказать, этого она делать не умела.

Потянувшись за «Белкой», приставленной к стене избушки, Ольга вспомнила о неудобствах, связанных с ружьем во время работы: «вертикалка» скользила по спине, больно билась по шее и затылку и была лишним грузом. Махнув рукой и на «Белку», и на слова Васьки, Ольга закинула пустой мешок и пошла к роднику...

Вот уже несколько дней подряд, приходя за водой, Ольга встречала старого знакомого – глухаря, кормящегося орехом на своем излюбленном месте. Крючкоклювая птица некоторое время смотрела на нее, потом грациозной походкой уда-

лялась в чашу.

Но с каждым разом промежутки времени в «приветствии» увеличивались, древняя птица постепенно привыкла к встречам и даже начала интересоваться спокойными и размеренными движениями девушки. Заслышав шаги, глухарь быстро вскакивал на постамент, который заменяла старая колодина, и тут же замирал в гордой позе. Немигающие карие глаза испытующе смотрели, как она, звякая котелком, набирает журчащую воду, медленно моет руки или лицо.

Но чего он не любил, так это прямого взгляда. Не любил – это не то слово. Он очень боялся его! Ольга все это поняла на второй день и поэтому, желая некоторой дружбы, старалась не смотреть в темные бусинки, блестящие под алыми бровями птицы.

Сегодня глухарь находился чуть повыше своего поста и, вслушиваясь в приближающиеся шаги, хитро выглядывал из-за ствола дерева. Девушка улыбнулась и, делая вид, что не замечает его, стала собирать шишки. Петух удивленно закрутил головой и быстро-быстро захлопал тонкими перепончатыми веками. Заинтересовавшись, он уже не убежал, а с живостью засеменил на месте, приподнимая то одну, то другую лапу и резво показывая то правый, то левый бок.

Видя, что новая знакомая не обращает на него никакого внимания, он тоже принялся за шишки. Поставив свою сильную четырехпалую лапу-крест на одну из шишек, глухарь с удивительной ловкостью начал отщипывать клювом-крюч-

ком ромбообразные глазки шелухи, открывая зерна. Казалось, его мощный, по-орлиному загнутый нос приспособлен специально для этой работы. Глухарь отрывал несъедобные лепестки и проворно глотал коричневые зерна, быстро набивая зоб, который заметно топорщился и выделялся на груди сизым оттенком.

Впервые в жизни наблюдая за глухариной кормежкой, Ольга забыла о своей работе и безотрывно смотрела на необычное зрелище, удивляясь всему, что проделывал ее новый знакомый. На одну шишку уходило около пяти минут, затем глухарь принимался за следующую. Не забывая о мерах предосторожности, он периодически вытягивал шею и наблюдал за окружающей обстановкой.

«Так, наверное, не сможет никто: ни воробей, ни курица, ни голубь, – думала девушка. – Скорости и чистоте позавидуют все! А впрочем, что здесь удивительного? Жизнь и тайга научат: ешь быстрее сам – иначе съедят тебя...»

Когда очередная порция шишек заняла треть мешка, Ольга вновь закинула его за спину и понесла к избушке. Дождавшись, когда человек скроется из глаз, глухарь перебежал на то место, где минуту назад была девушка. Покружив и не найдя шишек, недовольно защелкал. Сверху опять слышались шаги человека. Выдерживая недоступное расстояние, петух порхнул на отдельно стоящую пихту и приветствовал возвращение предупредительным скирканьем. Знакомый силуэт успокоил его. Глухарь втянул голову, замигал

глазами, нахохлился и затих, подставив левый бок угасающему солнцу. Ольги он уже как будто не боялся и сидел спокойно, лишь иногда настораживаясь, когда она наступала на хрустящие сучки.

Так продолжалось довольно долго. Девушка несколько раз уходила и приходила, а петух все сидел на прогнувшейся от тяжести разлапистой ветке, словно охраняя ее покой.

Солнце все быстрее и быстрее клонилось к горкам. Ольга взглянула на часы – половина пятого. Немного подумав, решила сходить за орехом последний раз.

Глухарь все еще сидел, но как-то странно насторожился и замер, вытянув шею и поглядывая по сторонам. Она решила на более дальний переход вниз по ключику. Нисколько не задумываясь, девушка заспешила к густому кедрачу. Почти сразу она услышала, а затем и заметила на одном из кедров движение, вызванное каким-то существом. Присмотревшись, увидела человека, сбивающего густо наклепленные шишки. Ловко орудуя руками, он резко бил по веткам, отчего коричневые плоды сыпались на землю, как горох.

Даже не сомневаясь в том, кто бы это мог быть (ведь на много километров вокруг никого нет, кроме штатных охотников), девушка улыбнулась. Значит, это Вася сшибает! Подойдя почти вплотную, она подняла голову и, глядя в непроглядные ветки, звонко, на всю тайгу заговорила:

– Вася, спускайся вниз! Зачем сшибать шишки, когда вокруг столько падалки? Я и без того уже натаскала к избушке

гору шишек!

Наверху сразу же стало тихо. Ольга не придавала этому никакого значения и продолжала:

– Давай быстрее, я уже начинаю собирать орехи! Помогай!

Послушавшись, он стал спускаться вниз. Но как-то слишком быстро спускался человек. Удивляясь ловкости и проворству друга, Оля глянула вверх... На расстоянии каких-то двух метров от нее показалась огромная лохматая башка с круглыми ушами и маленькими пороссячьими глазками.

Она никогда раньше не видела медведя, но сейчас сразу поняла – это он. На какие-то секунды возникла шоковая пауза: Ольга видела каждый волосок на его лоснящейся морде, подергивающуюся от напряжения нижнюю губу, нервно расширяющиеся ноздри черного носа, со свистом втягивающие воздух.

Внутри все похолодело и обмерло, руки и ноги обмякли, сделались ватными, лицо побледнело, а прекрасные карие глаза расширились до предела. Горло перехватило судорожным спазмом, не было сил ни вздохнуть, ни крикнуть.

Внезапная мысль пронзила мозг: «Бежать!» Она круто развернулась и опрометью, двухметровыми прыжками поскакала к избушке.

Большие, не по ноге сапоги слетели на втором прыжке, но она не придавала этому никакого значения – так бежать было легче.

Возвратившийся к этому времени Васька разводил ко-

стер, но, услышав приближающийся треск ломаемых сучьев и резвый топот ног, с удивлением посмотрел вниз. Кто бы это мог быть? Через мгновение в поле зрения попала стремительно бегущая Ольга. Забыв выпустить из рук мешок с шишками, который подгонял и хлопал по спине, она по-олимпийски перемахивала через колодины. Испуганный, сосредоточенный на дверях избушки взгляд, распущенные волосы, развевающиеся на ветру, словно пиратский флаг...

Васька уже держал в руках карабин и внимательно высматривал преследователя подруги. Подбежавшая Ольга, даже не заметив его, быстро юркнула в избушку вместе с громоздким мешком и тут же захлопнула за собой дверь, держа ручку изнутри.

Так как преследования не было, он попробовал открыть дверь, но дверь не поддавалась. Девушка держала ее изо всех сил.

– Оля, открой, это я! – попросил он.

– Приходите завтра! – донеслось в ответ.

– Что?! – не понял он. В ответ молчание.

– Да это же я – Василий! Открой дверь!

Опять молчание, опять уговоры, и вот в образовавшуюся щель показалось насмерть перепуганное лицо. Убедившись, что это действительно он, открыла дверь и, бросившись на шею, заплакала:

– Там был медведь!

После слез началась истерика, девушка бросилась на нары

и захлеб зарыдала:

– Он меня чуть не съел! Где ты был? Почему тебя не было? Я чуть не погибла!

Васька попытался успокоить ее, чтобы добиться подробностей происшедшего. Едва сдерживая смех, он почти на полном серьезе посочувствовал, пригрозив медведю возмездием.

Когда паника немного прошла, он плеснул в кружку спирта и почти приказал выпить. Через пару минут она пришла в себя и уже смеялась над собой вместе с ним.

Осмелев от выпитого, Ольга повела Ваську на место встречи с медведем, все же придерживаясь его правого плеча, на котором висел СКС. Михаила Ивановича давным-давно простыл след.

– Вот видишь – он тебя тоже испугался и удрал, – показывая на вырванную когтем землю, говорил Васька. – В следующий раз не убегай, а лучше встань за ствол дерева. Если надо защититься – стреляй в голову, но только не в лоб, а сбоку, в ухо или за ухо. Кстати, где твое ружье?

Ольга виновато опустила голову, а он уже сердито выговаривал:

– О чем я тебе говорил? Почему ты меня не слушаешь? Пойми, наконец, что здесь тайга, а не дискотека, – случиться может что угодно!

– Я уже это поняла... – уныло ответила она.

– Если поняла, уже хорошо.

Васька стал собирать шишки в тот же мешок, с удовольствием нахваливая хозяина тайги:

– Спасибо, дядя, помог с орехом!

Выдернув из земли впрессованные сапоги, Ольга как бы невзначай заметила:

– Обувку бы сменить, хоть размера на два поменьше, а то нога хлюпает.

– Ничего, потерпи немного! Пойдет снег – сменишь на ичиги.

– И когда это произойдет? Когда он выпадет?

Васька быстро посмотрел куда-то вдаль и сказал:

– А вот с завтрашнего дня и выпадет!

– Откуда ты знаешь? Посмотри, какая прекрасная погода!

– А у меня свои верные приметы, и они еще не подводили никогда! Посмотри на макушки белков – все поймешь сама!

Действительно, чистоту красок наиболее высоких точек сгущала какая-то ватная дымка.

– Если белки покрылись куржаком – жди плохую погоду! Верный признак!

Вечером Васька позволил редкое и небольшое расслабление. Достав фляжку со спиртом, налил себе и Ольге. Понемногу язык развязался сам собой, выдавая озабоченность:

– Срывается наш «график работы», что-то ничего не получается с мясом. Надо бы еще одну «душу» добыть, а то придется туго: в этом году нас двое, а жить еще несколько

месяцев. Как назло – ни единого оленя, ни марала. Как будто все повымерло! Хотя бы какого-нибудь сеголетка...

Он замолчал, а Ольге не терпелось поделиться своими впечатлениями. Глаза ее с живостью заблестели, и незаметно для нее стал заплетаться язык. Как настоящий охотник, очень подробно и в красках она рассказывала о своем знакомстве с глухарем, про медведя девушка уже забыла. Потом, как будто от этого зависела ее дальнейшая судьба, попросила:

– Ты не убивай его, пожалуйста, на шuleмку.

– Да что ты? – улыбаясь, ответил он. – Как можно? Раз твой друг – пусть живет! А еще лучше – заведем курятник из глухарей и капалух. Будем собирать яйца, блины да оладьи с пирогами станем стряпать!

Поддаваясь шуткам и хорошему настроению, девушка захотела продолжения веселья, а поэтому кивнула головой на фляжку:

– Давай еще по пятьдесят граммов?

Он согласился, но настороженно спросил:

– А давно ты выпиваешь?

– С детства. Предки наливали, чтобы не плакала, – еще непонимающе, весело ответила она. Но потом, как будто осознав смысл сказанного, поправилась: – Но в меру! И никогда не тянет!

Васька почему-то подумал про себя: «Это пока не тянет. Но что будет потом?» Он прекрасно знал, что может быть

потом, лет через пять – десять, но и сейчас промолчал, доверяясь самому важному и естественному другу – времени.

Ольга поняла, что сказала и сделала что-то не то, и, пытаясь прервать напряженное молчание, присела ему на колени и, обвив руками шею, нежно поцеловала. Девичьи руки – нежнее бархата, губы – слаще меда! Она уже знала, чем победить Ваську: он забывал обо всем на свете и уже ничему не противился, мгновенно загораясь желанием.

– Давай хоть продукты да посуду уберем под крышу, ночью дождик намочит! – говорил он, не в силах оторваться от ее груди.

– Это моя забота – иди в избу. Я через минуту приду.

Уже лежа на нарах, он вслушивался в бряканье споласкиваемой посуды, смачное чавканье Волги, тихий и недолгий разговор девушки с собакой. Легкая поступь шагов, дверной скрип, шелест снимаемой одежды, легкое дуновение и хлопок потухшей лампы – все это было словно в сказке или в очень приятном сне! Хотелось, чтобы это длилось всегда, вечно, нескончаемо...

Ночью погода резко переменилась. С запада подул порывистый, но пока еще не холодный ветер и принес за собой черные свинцовые тучи, из которых повалили мокрые, тяжелые лопухи белого снега. Появляясь будто из ниоткуда, они едва касались теплой, хорошо прогретой земли и тут же таяли, превращаясь в большие капли воды. Собираясь вместе, тяжело бухали с лап деревьев, травостоя, наполняя окружающий мир неприятной, промозглой слякотью.

Васька допил вторую кружку «Купца», с чаем в тело возвращалась потухшая бодрость и утраченная за последние дни сила. Неторопливо посмотрел на часы, стрелки которых указывали на восемь. Обычно в это время он был уже в дороге, где-нибудь в тайге или на путике, и, по охотничьим меркам, было довольно поздно, чтобы засиживаться у жаркого костра. Но сегодня его тормозила отвратительная погода, поэтому, глядя на нахмурившийся мир, он не торопился и, смакуя горячий, согревающий душу чай, старался как можно дольше протянуть время.

Ветер понемногу стихал, но низко летящие облака крыли все вокруг. Стояли густые сумерки, напоминавшие ранний рассвет или поздний вечер. Кедр, стоявший в двадцати метрах от избушки, то проявлялся в молоке, то снова исчезал.

«В такую погоду и пуля не пролетит!» – думал Васька,

прикуривая сигаретку. Между тем, полагаясь на свой опыт, он знал – ранний гость до обеда. Ветерок рано или поздно разобьет тучи, дав возможность поохотиться.

Надеясь на лучшее, вот уже пятый день он с упорством и настойчивостью носился по косогорам, открытым местам и безлесым белкам, всевозможными способами стараясь добыть еще одного зверя, так необходимого для дальнейшей жизни в тайге. Отведенные для промысла три дня прошли, и, нарушая свое расписание, Васька все еще надеялся на достижение намеченной цели и не отступал от этого ни на шаг.

В отличие от его подруги, безмятежно и счастливо спящей в зимовье на нарах, мир тайги давно проснулся и ожил. Несмотря на серость начинающегося дня, он разговаривал разноголосьем, шумел, суетился, торопясь использовать редкий дар природы – небывалый, рождающийся раз в пять лет, урожай кедрового ореха.

Нескончаемые перебранки кедровок, шорох беличьих лапок, тоненькое пиканье синичек и поползней, призывный свист и порханье редких рябчиков слышались везде и всюду. Огромная стая дроздов-рябинников с нарастающим и пугающим шумом пролетела над макушками деревьев в южном направлении, испугав обитателей тайги, которые вмиг приумолкли. Как только дроздов не стало слышно, все возобновилось, и заготовка корма в зиму пошла полным ходом!

Ветер стихал, уступая место неподвижному туману, который без помощи своего вечного спутника начал стелиться и

просеивать большие плешины видимой тайги, обещая еще один теплый осенний день.

Где-то внизу громко захлопал крыльями глухарь и несколько раз скиркнул, подсказывая округе о появлении какого-то животного, неожиданно оторвавшего его от кормежки.

Васька сразу же насторожился, так как знал, что зря подавать голос древняя птица никогда не будет. Привязанная Волга тоже обратила внимание на этот шум и, насторожившись, застригла ушами. Цыкнув на нее, Васька взял стоявший неподалеку карабин, быстро, но осторожно потянул за болт затвора.

Пристально вглядываясь в молочную пелену, он пытался хоть как-то рассмотреть границу тайги за поляной, до которой было чуть больше сотни метров. Это ему удавалось с большим трудом: вместо резких очертаний стволов деревьев сквозь мутную вату проступала едва различимая темнота.

Прошла минута, за ней томительно долго потекла вторая – пока все было тихо. Но, судя по настороженному состоянию собаки, неотрывно смотрящей вниз и перебирающей мокрый воздух черным носом, Васька понял, что там что-то происходит. Десятое охотничье чувство предсказывало какое-то движение, постепенно передвигающееся вверх.

Уши уловили негромкий звук – поступь чьих-то ног по влажной земле и редкий треск ломаемых сучьев.

Прислушавшись к происходящему, Васька понял, что на-

растающее движение идет наискось от избушки и пройдет как раз по краю вертолетной площадки. Не раздумывая, он стал подкрадываться наперерез идущему в непроглядной мгле молока существу. Он отвлекся на мгновение, повернулся к заскулившей суке, просящейся с ним, нахмурился и показал объемистый кулак. Понятливая собака тут же замолчала и, присев, замерла.

Аккуратно преодолев около пятидесяти метров, Васька остановился посередине поляны и, присев на одно колено, приготовился к стрельбе. Приблизившаяся стена тайги стала видна более отчетливо, и дальше идти не имело смысла, потому что невидимым зверь, подходивший к границе леса, мог его обнаружить.

Еще несколько секунд – и из-за стволов толстых кедров на поляну одна за другой выбежали четыре оленухи, подгоняемые сзади гривастым быком, чуть наклонившим голову с большими ветвистыми рогами. Выскочив на чистое место, все пятеро остановились на некоторое мгновение и, вытянув морды, посмотрели на сидящего Ваську. Широко раздвигая ноздри, они одновременно вынюхивали воздух, ища в нем чужие примеси. Но ветерок относил запах человека, и ничто не предвещало смертельной опасности, а подслеповатые глаза приняли человека за пень.

Удостоверившись в спокойной обстановке, возглавлявший «гарем» самец сердито хоркнул и, подгоняя завоеванных в борьбе самок, махнул короной рогов, приказывая сле-

довать дальше. Но, не успев сделать следующий шаг, вдруг упал на колени, ткнулся носом в землю и повалился на левый бок, по инерции перевернувшись через спину, мелькнув широкими шляпами взлягивающих копыт.

Сухой, негромкий звук выстрела раскатился по поляне и заглох, испугав заматавшихся коров, через какое-то мгновение растворившихся в густом тумане. Но дело было сделано! Довольно приличный сокжой лежал у Васькиных ног, в предсмертной агонии дергая ногами. Несколько попыток приподняться и убежать не привели к успеху.

Это была настоящая, хотя и случайная удача! Зверь был добыт. И где? В какой-то сотне метров от избушки, можно сказать, под самым носом, что тут же решило проблему с доставкой мяса.

Огромные, круто загнутые рога симметричными отростками красовались на оленьей голове, посаженной на толстую, необъятную шею. Пустотелая, лоснящаяся шерсть, густо свисавшая с покатых боков, бугристых лопаток и мощных ляжек, говорила о хорошей упитанности зверя, в котором было не менее полутора центнеров веса. Десять отростков на каждом роге выдавали активного в брачный период бойца, прожившего долгую жизнь, не единожды участвовавшего в пополнении оленьего стада.

Подкуривая многозначительную в этот миг сигаретку, Васька с улыбкой наблюдал за беснующейся в охотничьем азарте Волгой, восседавшей на поверженном звере, как на

троне.

Напряженно и молчаливо наблюдая за происходившим, собака только и ждала выстрела хозяина. Увидев упавшего быка, сука дернулась изо всех сил, лопнувший ошейник дал волю, и резвая соболятница в десяток прыжков очутилась рядом. Гнев вылился в яростный лай, огласивший и перепугавший окрестные сопки. Хватая животное за легко рвущуюся шерсть, Волга выплескивала охватившую собачью душу ярость охотничьего азарта. Захлебываясь от наполнивших пасть волос, сука закашлялась от нехватки воздуха, чем вызвала веселый смех хозяина. Расценив эту реакцию как сопротивление, она переметнулась к голове и, кусая неподвижного оленя за раскровавленный нос, заблажила еще сильнее, своим ревом поднимая из могил усопшие души.

В отличие от мертвых из избушки выскочила наспех одетая босоногая Ольга и полусонными, ничего не понимающими глазами уставилась в их сторону. Увидев Ваську, собаку и что-то светло-серое, она тут же заспешила к ним.

– Что случилось? – закричала еще издали.

– Ничего, все нормально. Просто оленя добыл!

– Чего-чего?! Так рано? – не веря своим глазам, воскликнула она.

– Кто рано встает – тому Бог подает! – выдал Васька народную мудрость. – Неси нож – будем свежевать!

Оля досадовала и на себя, и на весь белый свет за то, что все прошло без нее: «Засоня! Тетеря! Квашня! Сплю до обе-

да! Вася, наверное, недоволен, хотя и не подает виду! Так можно проспать все на свете!...»

Глядя на Ваську, молча, очень быстро разделяющего тушу, она молчала тоже и, стараясь загладить придуманную самой вину, с радостью выполняла мелкие просьбы: поддержать, перевернуть, отнести. Васька, казалось, не замечал удрученного состояния подруги, ни в чем не винил ее и так же, как всегда, приветливо улыбался, отчего настроение девушки приподнялось до обычного состояния.

На добытого оленя она уже не косилась, как это было несколько дней назад. Жалость и сострадание к бедному зверю как-то сами по себе улетучились, как и цветные представления о сказочном мире, описанном Васькой задолго до пребывания Оли в тайге. Поэтому к добыче оленя она отнеслась как к естественному процессу – процессу регулирования человеком равновесия и отбора только самого необходимого для существования.

Она сама не заметила, как преодолела эту границу неприязни и несколько не удивилась, когда вдруг посмотрела на свои обагренные кровью зверя руки. Уже не придавая этому никакого значения, она продолжала работу.

Жизнь есть жизнь! Смерть есть смерть! Кто-то когда-то умирает, и ничего нельзя изменить, особенно если это требуется для твоего личного существования.

Но жизнь другого существа может браться только в пределах необходимого и исключать кощунство и жадность, кото-

рые наносят существенный урон. В тайге должна торжествовать потребность добычи лишь в разумных пределах.

Васька даже и не догадывался, какие мысли гуляют в голове у девушки, а если бы и догадался, то не удивился: он начал привыкать к перевоплощению Ольги из цивилизованной пай-девочки в простую и естественную, уже не отвергающую мрачные, кровавые стороны охотничьей жизни. И сейчас он просто радовался переменам, которые происходили в любимом человеке. Ольга стала не только милой подругой, но и верной помощницей, поддерживающей его как в мире людей, так и в мире тайги.

Но это было только начало. Васька понимал, что сейчас все ново и интересно, поэтому Ольга воспринимает происходящее с удовольствием. Но впереди – тяжелые месяцы непосильного мужского труда. Выдержит ли она?..

Уже через пару часов они сидели у костра и наслаждались неожиданным успехом или, как говорил Васька, подвалившим фартом.

Добытый олень заполнил две сорокалитровые фляги, вместившие в себя отборные куски мяса. Этого с избытком хватит до конца сезона. Остальное уложено на стеллажи под навесом и в дальнейшем послужит прикормом для ловли соболей.

Над жарким пламенем закипал большой «семейный» котел с нарезанными кусочками свеженины, распространяя

дурманыящий, аппетитный запах. Чувствуя важность происходящего процесса, Васька колдовал над котлом сам.

– Нельзя доверять женщине приготовление мяса, иначе она испортит все дело! – говорил он, подбрасывая в бурлящее варево крупно нарезанную луковицу.

– А почему тогда в остальные дни всегда готовлю я? – несколько не обижаясь спрашивала она. – Может быть, ты будешь варить всегда?

– Нет! Всегда – не пойдет! Вся хитрость в том, что свежим мясо будет только сегодня, а значит, и весь вкус только в этом котелке. Завтра уже будет не то!

– Ага! Значит, завтра буду готовить я? И получается, что из моих рук еда невкусная?

– Ну что ты! Я хотел сказать совсем не это! – И, переключившись на другую тему, воскликнул: – Посмотри-ка на Волгу!

Медленно бредущая от места трапезы собака тяжело покачивала надутыми боками и едва передвигала ноги. Добравшись до лежанки, сука бухнулась на отяжелевший бок и, чуть дыша, растянулась во всю длину тела.

– Волга! Зря ты оставила свою трапезу – конкуренты не дремлют! – Он мотнул головой в конец поляны, где над останками оленя черным «мессером» уже завис таежный ворон. Почуяв запах свежей требухи, он громким клекотом сзывал на пир собратьев, которые не заставили себя долго ждать и слетались на зов со всей округи.

Приподняв голову, сука посмотрела на незваных гостей, довольно резво подскочила и поспешила на охрану своей собственности. Птицы тотчас поднялись в воздух, громко заорали, выражая недовольство резким и пугающим пикированием. Но на Волгу эти уловки уже не действовали: она устроилась в метре от останков и, смачно зевнув, развалилась вновь, не обращая внимания на воров. Им ничего не оставалось, как разлететься по ближайшим кедровым макушкам и, нахохлившись, косить глаза на собаку.

– Ждать придется долго, – обращаясь к воронам, сказал Васька, – теперь она оттуда вообще не отойдет!

Как Васька и предполагал, погода восстанавливалась: появлялась видимость, между облаков выглянуло ласковое солнышко, согревая парившую землю.

Но нарастающий ветерок приносил холод – первый предвестник быстро наступающей зимы.

– Помощник! – радостно воскликнул Васька.

– Кто помощник, в чем помощник? – переспросила не понявшая его Оля.

– В нашем деле, – пояснил он и приподнял вверх палец. – Слушай!

Она повернула голову к кедрам и сразу же все поняла. При резких порывах ветра с деревьев градом слетали намокшие шишки, которые глухо тукали, достигая земли.

– Теперь можно заняться орехом. Пара дней в запасе у нас еще есть!

Ольга промолчала, тоскливо вспомнив свой недавний опыт. Тяжело пошевелив уставшей, ноющей поясницей, улыбнулась:

– Завтра с утра и начнем!

– Чего?! Как это завтра? Сегодня же! Вот поедим мяска – и за работу! У нас с тобой каждый день на учете!

Непоседу Ваську трудно оставить без работы. Он не мог просидеть без нее и часа, не говоря уж о том, чтобы целый день проваляться на нарах, ни к чему не притрагиваясь. В его организме действовала какая-то пружина, постоянно подталкивающая к движению и работе. Но истинную причину своей работоспособности знал только он сам: не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, ибо время не воротишь! И эта пословица, как никогда, важна в тайге, где на учете не только день, но и час.

Не успела Оля и глазом моргнуть, как на подпирающем сени столбе уже висел ящик-барабан, прихваченный Васькой на пару гвоздей. Процесс дробилки очень прост: крути ручку да успевай кидать в бункер шишки.

Вращающийся валик-ерш без труда жует податливые плоды и, раздавливая, выпускает из своих цепких когтей на расстеленный внизу брезент. Несмолкающий ручей ореха и шелухи сыплется из барабана, очень быстро образуя приличную горку. Затем следует недолгое просеивание через два сита: более крупное – для ореха, мелкое – для шелухи, а чистейший орех коричневым золотом осыпается в объемистый

мешок.

Ни разу не видевшая обработки шишек, девушка удивляется простоте процесса и его качеству:

– Я думала, что мы шишки повезем на вертолете! А тут на тебе: час работы – мешок ореха!

– Если шишками возить – это сколько же надо вертолетов? – смеется Васька. – Посмотришь, сколько отбросов будет. Зачем возить домой лишний сор?

– И это все придумал ты?

– Что ты! Это наши отцы и деды, да и не за один год, а может быть, за века!

Сбор падалки Васька берет на себя и быстро, без усталости суетится меж стволов деревьев, подтаскивая к общей куче набитые до отказа кули. Ольга торопливо крутит ручку ба-рабана, стараясь побыстрее закончить с надоевшим орехом. Но куча не уменьшается, а увеличивается. Как она ни старается крутить, просеивать, пересыпать – Васька все же бега-ет быстрее. За несколько часов гонки объем собранного урожая увеличивается вдвое.

Искоса наблюдая за ним, Ольга поражается его расторопности.

– Откуда у тебя столько энергии? – уже в который раз спрашивает она, когда практически в сумерках заканчивается трудовой день. – Ты хоть когда-нибудь устаешь?

Он неопределенно пожимает плечами, неторопливо заку-ривает и уводит разговор на другую тему.

Из дневника Ольги:

«Никогда не думала, что в тайге такое количество зверья! Прошло всего лишь десять дней, как мы прилетели, но я уже насмотрелась на всех, начиная от медведя и кончая бурундуком-полосатиком! Вася говорит, что все они собрались на орех, которого в этом году – тьма! Нередок случай, когда враз можно увидеть три-четыре, а то и пять белок! Про бурундуков я вообще молчу! Несколько раз видела соболей, они подбегают прямо к избушке и, кажется, совсем не боятся человека: встанут столбиком в каких-то десяти метрах, полюбопытствуют и тут же исчезают, как будто их и не было. Волга загоняет по шесть-семь раз в день: то тут, то там слышится ее азартный лай. Но Вася говорит, что не настало время: аскыр еще голый!»

Но я никак не могу понять, почему он голый».

Первый раз Оля осталась одна в тайге «всего лишь на несколько дней». Но девушку не пугали дни, ее пугали ночи.

Еще утром Васька ушел на другую избу, находящуюся под соседним белком. Надо было просмотреть путики перед предстоящим сезоном: подладить хатки, добавить новые капканы и продлить их по мере возможности.

Ольге осталась запланированная участь – быть хозяйкой. Но она поняла его хитрость: надо было срочно сушить кедровый орех, заполнивший временные стеллажи как в избушке, так и в бане.

Глядя на скучившуюся подругу, он подбадривал ее веселыми словами:

– Это же всего на несколько дней! И чего тут бояться? Все будет нормально! Впереди у нас весь сезон в разлуках, я же не могу таскать тебя постоянно за собой, кому-то надо оставаться и здесь. – И уже веселее: – С тобой Волга останется, она тебя в обиду никому не даст!

Ольга и сама понимала, что ночевки в одиночестве неизбежны, и при прощании старалась держаться бодро и уверенно. Но как только он скрылся, девушку охватило чувство одиночества. С полчаса она сидела на чурке, ничего не замечая вокруг. Но лениво зевнувшая собака вернула к действительности.

Оля нежно и долго гладила по голове умиленную собаку, нараспев приговаривая:

– Ах, ты моя хорошая, моя добрая! Нам с тобой вдвоем не будет скучно, мы с тобой будем вместе, мы никого не пообимся! А хозяин послезавтра придет, и все будет хорошо!

На глаза сами по себе накатывались слезы. Почувствовав настроение хозяйки, Волга приподняла голову, посмотрела своими умными глазами и, как бы успокаивая ее, слизала горячим языком катившиеся по щекам капли. От такого сочувствия девушка повеселела:

– Ну, хватит! Что-то я совсем рассопливилась! Зачем же плакать, когда нет причины?

Сука поняливо замотала хвостом и хитро посмотрела на девушку, как бы говоря: «Верно говоришь. Незачем плакать? Лучше бы отпустила меня с привязи!»

Ольга поняла ее намек, но отрезала:

– Пока что сиди! Еще хозяйский след не остыл. Убежишь за ним – кто меня будет тогда защищать? – и, еще раз погладив собаку по загривку, пошла подкладывать в печь дров.

В избушке и бане – жара, но воздух напитан влагой. Чтобы десятисантиметровый слой ореха не заперл, Ольге приходится ворошить его рукой через каждые двадцать минут. И так до полной просушки. Казалось, что тут особенного – вороши да подкидывай в печку дрова! Но и от такой легкой, но монотонной работы кругом голова. В глазах стоит рябь от нескончаемого коричневого цвета, а на зубах – оскомина от

постоянного лузганья. Зубы и челюсти болят, но руки сами собой тянутся к крупным зернам.

Весь в делах и заботах прошел короткий осенний день, девушка заблаговременно приготовилась к ночевке: принесла в избушку воды и дров, привязала Волгу неподалеку от дверей, все имевшиеся топоры поставила к порогу, ножи выложила на стол, заряженную «Белку» поместила у изголовья.

Как только вечерняя заря начала недолгий затухающий забег, Оля замотала дверь на нетолстую медную проволоку, укрепив свою крепость от неожиданных врагов.

Кого считать своим врагом, она и сама не знала: то ли лохматого хозяина тайги, то ли клыкастую росомуху, то ли необъяснимых злых духов, ворующих и пугающих человеческие души.

Но в этот вечер ее мог напугать не только медведь, но и внезапное появление мышки на столе. Действуя по женской логике, девушка потушила лампу, чтобы «некто» не мог увидеть ее с улицы и, закутавшись в большое ватное одеяло по самый нос, вслушивалась в негромкие звуки радиоприемника.

Стараясь поскорее уснуть, она считала в уме до тысячи, но сон не приходил.

Вместо этого почему-то вспомнились родители: как они там? Все-таки какие бы они ни были – это ее родители, ее родные и любимые люди.

Перед глазами замелькали яркие огни большого города, в

котором она училась, лица знакомых, подруг. Переживая заново яркие и красочные эпизоды девичьей жизни, Оля улыбалась своим воспоминаниям. Но вдруг, вернувшись в реальность, ужаснулась от мысли, что сейчас она находится вдали от всего этого мира, как травинка, затерявшаяся среди моря тайги.

Ей почему-то стало очень жалко себя. Поддавшись слабости, она заплакала. Зная, что ее никто не услышит, кроме ветра, пугающей темноты да нескончаемых деревьев, Ольга не сдерживала бегущих по щекам слез и всхлипываний. Тихий плач постепенно превращался в истерический, безостановочный рев, от которого застонали бревенчатые стены избышки. Казалось, что уже ничто не может остановить ее.

Кто-то скребется в дверь и скулит. Да это же Волга! Ольга тут же соскочила с нар и пустила обрадованную суку внутрь избышки. Негромким, ласковым голосом позвала собаку к себе в постель. Удивившись такой неожиданной чести, Волга как бы нехотя залезла на нары и притихла в объятиях девичьих рук.

С «подругой» намного легче: Оля была уже не одна! Живое существо было рядом, и на душе стало приятно и спокойно...

Нечто неясное и неопределенное доходило до ее сознания сквозь сон: она поняла, что это, открыв глаза. В окно полноправно стучался рассвет, оживлявший лесных обитателей.

Волга стояла около двери и, напряженно подергивая хвостом, крутила головой из стороны в сторону, вслушиваясь в какие-то неясные звуки в сениях.

Стараясь не шуметь, Оля привстала с нар и, взяв в руки ружье, тихо прошлепала босыми ногами к двери. При виде «Белки» беспокойство собаки усилилось: подстегнутая поддержкой хозяйки, она заскулила и принялась царапать дверь лапой. Медленно и осторожно размотав ночной крючок, Оля, придерживая за загривок Волгу, направила в щель срез стволов. Но вместо оскаленной клыкастой пасти увидела знакомую красную бровь глухаря, под которой настороженно замер коричневый немигающий глаз! Присев и приняв изготовительную позу, мошенник, казалось, только и ждал мгновения, чтобы сорваться с места.

Волга не выдержала – хватив резкого запаха дичи, она изо всех сил дернулась и с грозным лаем бросилась в дверь. Но петух уже был в полете! Досадно и бесполезно чавкая челюстями, собака пыталась схватить удалявшуюся дичь. Разрываясь на части, отталкиваясь задними лапами от земли, она, казалось, едва не достигала низко летящего петуха. Бухающие крылья медленно, но уверенно поднимали жирное тело. Отлетев от избушки около пятидесяти метров, глухарь с шумом сел на большой сук разлапистого кедра и, осмотревшись по сторонам, громко заскиркал.

Лающая собака бесилась под деревом, от досады и беспомощности грызла ствол, словно добывая улизнувшую из-

под самого носа добычу. Волга была охотницей еще в утробе матери и видела в глухаре только пищу, которую надо добывать. И поэтому, ожидая выстрела, непонимающе смотрела на улыбающуюся хозяйку, как бы говоря: «Ну что же ты медлишь? Стреляй, а то улетит!»

Но Ольга не стреляла. Она узнала в птице своего друга. Любому охотнику известно, что глухарь не боится собаки, сам интересуется ею, а иногда даже дразнит четвероногое животное, сидя на недостигаемой высоте. Промысловики пользуются этим моментом и под собачий лай удачно скрадывают осторожного и чуткого глухаря.

Настроение Ольги поднялось. Она радовалась первым лучам солнца, неожиданной встрече с другом-глухарем, своему отражению в зеркале, своевременно ушедшей черноте ночи, которой она боялась еще вчера. Сегодня она смеялась над своими глупыми страхами. Первая ночевка в тайге в пустой избушке (Волга не в счет) прошла нормально, поэтому серый мир, окружавший ее, казался не так уж и плох. Можно было начинать новый день с чувством восторженной радости, уверенности в своих силах и торжестве победы над собственными страхами.

Негромко подпевая мелодии, доносившейся из включенного «Альпиниста», она принялась пересыпать со стеллажей просохшие за ночь ядреные зерна.

Освободившись, с удовольствием потянулась за висящим на стене биноклем и, предвкушая радость наблюдения, вы-

шла из избушки.

Усевшись на свое любимое место – большую кедровую чурку, находящуюся под навесом, Ольга надолго припала к окулярам, всматриваясь в тайгу.

Следуя Васькиному совету, который настойчиво поучал. «Внимательность в тайге – одно из важных качеств следопыта! Запоминай все, что тебя окружает. Это может пригодиться!» – Оля подолгу задерживала взгляд на одном месте, как будто ожидая оживления камней, деревьев или кустарников. Таким образом, она училась запоминать и уже знала самые важные ориентиры: наиболее высокие вершины белков, очертания лугов или рисунки резкоочерченных ложков с быстрыми ручьями. Если бы ее сейчас завели на один из знакомых отрогов и оставили в одиночестве, можно не сомневаться – дорогу назад, к избушке, она найдет.

Быстро окинув открытые поляны противоположного ко-согора, Оля решила рассмотреть своего глухаря. Однако на сучке его уже не было. Она принялась выискивать окулярами бинокля, не мелькнет ли какое-нибудь животное. Так девушка уже не раз рассматривала бурундуков, пышнохвостых белок и различных таежных птиц.

На этот раз ей хотелось увидеть что-нибудь посущественнее – оленя, марала или, на худой конец, соболя.

В который раз окидывая взглядом большие поляны противоположной белковой горы, она вдруг заметила темное пятно, которого еще вчера не было. Оно было похоже на

большой серый камень с разросшейся рядом карликовой березкой. Оля хотела было перевести взгляд на другое место, как вдруг произошло неожиданное: ветки березки дернулись и качнулись, явно обозначив рогатую голову. Присмотревшись повнимательней, она различала контуры стоящего на границе леса марала. В восьмикратный бинокль было видно, какой это красивый и грациозный зверь. Можно было хорошо различить повороты головы, движения ног и туловища, чарующую красоту рогов и даже нервное подергивание коротенького хвостика. Жалко, что с такого расстояния нельзя было различить количество отростков в короне, но это было уже не так важно. Главное было то, что она воочию впервые увидела таежного красавца.

Зверь некоторое время стоял на краю поляны, по всей вероятности, хотел пересечь открытое место. Он долго принюхивался и приглядывался. Что-то или спугнуло его, или он просто не решился на такой поступок в светлое время суток, но рогач круто развернулся и быстро скрылся под защиту деревьев. Напрасно Оля выглядывала его, марал больше не появился.

Неожиданно резкое и частое хлопанье глухариных крыльев добавилось в живой разговор тайги. Девушка посмотрела вниз, на край поляны: на спине птицы Ольга заметила коричневый комок, в котором распознала маленького хищника. Соболь крепко вцепился острыми когтями в свою добычу.

Схватив со стены избу всегда заряженную «Белку», Ольга бросилась на помощь другу, который все еще боролся за свою жизнь. Краем глаза заметила спешащую на шум Волгу. Собака своим неожиданным появлением спугнула зверька, тут же загнав на близстоящее дерево.

Соболь не хотел покидать место победного сражения; более того, досадуя на собаку, сердился и с громким урканьем делал резкие выпады, стараясь напугать. Но Волгу не напугаешь каким-то соболем, она жаждала встречи с аскыром. Тот мелькал в переплетениях сучьев старого кедра, стараясь быть недосягаемым для ослепительно белых клыков опытной соболятницы.

А в пяти метрах лежал без признаков жизни распластаный и порванный глухарь. Наполовину общипанный, кровоточащий рваными ранами, он представлял жалкое зрелище.

Жалостливо посмотрев на птицу, Ольга не стала выяснять отношения с беснующимся хищником, не подняла на него ружье и не нажала на курок. Разум подсказывал, что в данном случае произошла рядовая ситуация. Нет ничего необычного в том, что соболь поймал глухаря. Это естественная жизнь тайги, никуда от этого не денешься.

Можно было убить соболя как промысловую единицу, из-за шкурки, но на дворе стоял сентябрь, мех не имел никакой ценности. Об этом Вася говорил много раз и запрещал стрелять аскыров до определенного времени.

Была и еще одна немаловажная причина, по которой Оль-

га не нажала на курок: она никогда не стреляла по живой душе и не могла себе этого даже представить.

«Но что же делать с убитой птицей? – думала она, глядя на распластавшегося петуха. – Не оставлять же здесь!»

Взяв на руки довольно тяжелое обмякшее тело, она понесла его к избушке, не зная, что с ним делать. Ощипывать птицу и использовать в пищу Ольга не думала, да и не смогла бы из женской жалости. «Может, закопать или похоронить? – возникла мысль. – Нет же, Волга найдет и откопает».

Был бы Вася – он бы знал что делать и не стал бы раздумывать. Голову на чурку, топор в руку... Ее даже передернуло.

Положив мертвую тушку перед собой на чурку, Оля осмотрела все еще кровоточащие раны и как бы для себя заметила, что капельки крови не вытекают, а пульсируют. Значит, сердце еще бьется! Потрогав грудь птицы, ощутила слабые толчки... Нереальная надежда промелькнула в голове – может... еще оживет? Хотела бы чем-то помочь, но она же не ветеринар и кроме промакивания ран ваткой ничего не умеет сделать.

Прошло еще несколько минут, и, на удивление, глухарь слабо приоткрыл глаза! Непонимающе оглядев замкнутое пространство стен избушки и улыбающееся лицо своей спасительницы, попытался вскочить, но слишком слабыми были попытки, выбежавшая кровь сделала свое дело. Едва приподняв голову, он пошевелил обвисшими крыльями, даже не сдвинувшись с места. Прекратив попытки самоспасения,

опять затих, поддавшись воле человека.

А Ольга поднесла ему в чашке воды, на что он никак не прореагировал. Глухарь привык пить из ручейков и луж, привык утолять жажду капельками росы и снегом, но никак не из чашек и тарелок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.